

Калужское областное управление культуры
Калужский областной краеведческий музей

**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ
ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**

Калуга 1989

Калужское областное управление культуры

Калужский областной краеведческий музей

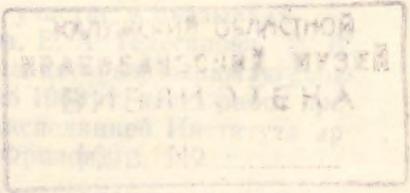
Редакция: канд. ист. наук С. В. Рокоссович

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

О. Д. Прошкин

5 ЛЕТ РАБОТЫ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1984-1988 годы)

В течение пяти летовых сезонов на территории Калужской области проводилась исследовательская работа Калужской областной археологической экспедиции Калужского областного краеведческого музея и Калужского областного управления культуры под руководством автора. В составе экспедиции в разное время работали археологи и историки Г. А. Массалитина, А. С. Фролова, Г. М. Хохлова, В. И. Осипов, С. Е. Комарова, специалисты А. К. Бонко, В. М. Завитая, преподаватели Калужского областного педагогического училища А. С. Смирнов, В. Н. Курочкин, сотрудники Калужского областного краеведческого музея А. В. Повалов и др. Автор выражает искреннюю благодарность С 1988 года экспедиция возглавлялась совместно с Калужской экспедицией Института археологии АН СССР (руководитель А. С. Фролова).

Основными направлениями работ экспедиции являются раскопки и разведка в рамках создания «Свода памятников истории и культуры народов СССР».

Калуга 1989

Археологические раскопки проводились на таких памятниках, как курганный могильник I у д. Прошкин в Кировском районе, селище и ур. «Негова Гора» в г. Борозне и городище у д. Маламехово в Борознинском районе, а также на городище у д. Дульное Малоярославского района.

Редакционная коллегия:

Голоушкина Т. В.;
Доманова Г. И.,
Потапова Л. И.
Прошкин О. Л.;
Фролов А. С.

Рецензент: канд. ист. наук С. В. Белецкий.

О. Л. Прошкин

5 ЛЕТ РАБОТЫ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1984—1988 годы)

В течение пяти «полевых» сезонов на территории Калужской области проводились исследования Калужской областной археологической экспедиции Калужского областного краеведческого музея и Калужского областного Управления культуры под рук. автора. В составе экспедиции в разное время работали археологи и историки Г. А. Массалитина, А. С. Фролов, Т. М. Хохлова, В. И. Осипов, С. Е. Компанец, краеведы А. К. Бойко, В. М. Завитаев, принимали участие и оказывали помощь А. С. Смирнов, В. П. Карпова, Е. А. Телеганова, А. В. Рогалев, А. В. Повалев и мн. другие, которым выражаю свою искреннюю благодарность. С 1985 по 1988 гг. часть работ проводилась совместно с Калужской экспедицией Института археологии АН СССР (рук. А. С. Фролов).

Основные направления работы — охранные раскопки и разведка в рамках создания «Свода памятников истории и культуры народов СССР».

Археологические раскопки проводились на таких памятниках, как курганный могильник I у д. Прудки в Кировском районе, селище в ур. «Петрова Гора» в г. Боровске и городище у д. Маламахово в Боровском районе, а также на городище у д. Лужное Малоярославецкого района.

В курганном могильнике у д. Прудки раскопан, разрушавшийся в результате распашки, курган № 2. Обнаружены 4 погребения по обряду труположения — 3 в насыпи и одно в грунтовой яме. Последнее содержало богатый погребальный инвентарь: 7 — лопастные височные кольца, браслеты, перстни, бусы, ткани — характерный набор вятических украшений 2-ой пол. XII — нач. XIII вв.

На селище в ур. «Петрова Гора», в районе строительства больницы в г. Боровске выявлен культурный слой мощностью 0,3—0,5 м, в заполнении ям до 2 м, содержащий различные предметы быта — лепную и гончарную керамику, ножи, крючки, гвозди, пряслица, часть жернова и мн. др. Вскрыты остатки ям хозяйственного назначения, ограды, столбы и производственного сооружения в виде ямы с развалом глинобитной печи, где было сконцентрировано большое количество железных и стеклянных шлаков. Жизнь на поселении началась в кон. I тыс. н. э.; и с небольшим перерывом продолжалась до нач. XVII в.

Большой интерес представляют материалы раскопок позднебронзовских городищ у дд. Маламахово и Лужное, где основная часть находок (фрагменты лепных сосудов с сетчатым, ямчатым, веревочным и др. видами орнамента, втульчатый наконечник стрелы, нож переходный к серповидной форме, битрапециодное пряслице (датируется 1-й пол. I тыс. н. э. Оба городища схожи и по своему топографическому положению (мысовые) и сложной системе оборонительных сооружений, заслуживающей особого внимания. Городище у д. Лужное состоит из 2-х площадок — нижней (размеры по оси 3-В—55 м, С-Ю — 20 м, мощность слоя 0,13—0,35 м) и верхней (по оси ЮЗ-СВ — 85 м, СЗ-ЮВ — 25—35 м, мощность слоя 0,22—0,45 м). Одиночные валы и рвы разделяют обе площадки и защищают городище с напольной стороны 2-мя валами защищены и южный склон городища, где прослеживаются остатки древнего въезда. Среди сделанных здесь находок следует отметить железный втульчатый, двушипный накопечник стрелы, имеющий аналогии на памятниках эпохи Латена III на территории пшеворской культуры. Площадка городища у д. Маламахово (размеры 45х25х30х8 м) защищена 2-мя валами и рвами с напольной стороны и одним валом у южного склона. Хорошо сохранились следы древнего въезда. При раскопках выявлен культурный слой мощностью 0,2—0,5 м и обнаруже-

ны остатки столбовых и хозяйственных ям, ограды, открытого очага.

Археологические разведки проводились в бассейне верхнего течения р. Протвы в пределах Малоярославецкого и Боровского районов. Кроме обследования и проверки современного состояния уже известных памятников (городища Лужное, Панское, Малоярославец, селища Оболенское, Беницы, Сатино и др.), выявлен ряд новых. Это неолитические стоянки (Совьяки, Боровск — Совьяки) IV—III тыс. до н. э., поселения с находками разных эпох — раннего железного века, раннеславянских, древнерусских и позднесредневековых (Панское, Рябушки I, II, Роща II и др.), выделена группа селищ только с позднесредневековым материалом XV—XVII вв. (Отяково, Городня I, II, Уваровское и др.), одиночные курганы и курганные могильники (Ермолино, Городня и др.). В результате исследований составлена археологическая карта этого региона. Получен ценный материал по истории древнего и средневекового населения бассейна Верхней Протвы, ныне хранящийся в фондах Калужского краеведческого музея и его Боровского филиала.

Совместно с Калужской экспедицией ИА АН СССР (кроме изыскательских работ в указанном регионе и др. пунктах области) проводилось обследование одного из интереснейших историко-природных объектов — «Чертова Городища» в Козельском районе. Здесь было обнаружено укрепленное поселение раннего железного века и культовый камень, находка которого, к сожалению, пока единственная в Верхнеокском бассейне.

А. С. Фролов

СТОЯНКА ТРАШКОВИЧИ

Стоянка Трашковичи была открыта Калужской экспедицией ИА АН СССР летом 1987 г. Она расположена в Куйбышевском районе Калужской области, в 0,2 км к востоку — северо-востоку от одноименной деревни, на мысу первой надпойменной террасы правого берега реки Снопоть, на высоте 10—13 м над ее межленным уровнем.

Собранная здесь коллекция подъемного материала насчитывает более 1100 предметов. Для изготовления орудий ис-

пользовался местный кремнь хорошего качества, как правило, черного цвета, иногда серый и коричнево-красный.

Большую группу составляют нуклеусы, их обломки, куски и желваки кремня со следами их подготовки к расщеплению, ребристые пластины, сколы подправки ударных площадок — всего свыше 130 экз. (10.5% от общего числа коллекции). Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные подконические от пластин и отщепов средних размеров. Есть торцевые, дисковидные (2 экз.), много аморфных ядрищ с бессистемным раскалыванием. Ребристые пластины и отщепы, как правило, односторонние.

Изделий со вторичной обработкой — немного (42 экз.), т. е. менее 4% от общего числа всех находок. Но при этом они достаточно выразительны по своим формам и представляют почти все ведущие категории орудий. В первую очередь следует отметить находку двух массивных черешковых наконечников стрел типа Лингби на крупных отщепах, обработанных широкой затупливающей ретушью. Боевая часть оставлена без обработки. К категории оружия относится и высокая трапеция на отщепе, оформленная мелкой крутой противоположащей ретушью. Все скребки концевых форм, в том числе со скошенным лезвием, выполнены преимущественно на неправильных пластинах. Резцы — вторая по численности категория орудий — изготовлены обычно на сломе или естественном окончании заготовки, но есть и с ретушированной площадкой скола. Найдены резцовые отщепы. Встречаются комбинации резцов со скребками и скобелями. Среди других изделий: пластины и отщепы с затупленными или скошенными краями и основаниями, асимметричная проколка, симметричное острие на пластине с мелкой нерегулярной ретушью по краю на брюшке, обломок лезвийной части рубящего орудия, многочисленные отщепы и пластины с ретушью, «сечения» пластин и пр. Отщепов, осколков и чешуек кремня более 900 экз. Среди них много первичных, так же много с остатками желвачной корки.

Характер каменного инвентаря стоянки Трашковици, технологические приемы расщепления и обработки кремня находят близкие аналогии среди стоянок иеневской культуры Волго-Окского междуречья и памятников типа Комягино 2Б в Подесенье. По известным аналогам стоянку Трашковици следует датировать поздними этапами существования иеневской культуры.

Интересен вопрос об условиях местонахождения рассматриваемого памятника. Большинство известных стоянок иеневской культуры располагается в долинах крупных рек (Волга, Ока, Москва) и на озерах, связанных с ними (Тростенское). Присутствие мезолитических памятников в верховьях небольших рек, речек, по берегам ручьев, объясняется, в первую очередь, наличием в этих местах крупных выходов кремня. Вероятно многие памятники бассейна Верхней Оки (Трашковици, Лосево, Новые Новинки — Куйбышевский район, Кременское 1—4 — Медынский район, Исаково 1—3 — Тарусский район и др.) являются сезонными (теплое время года) стоянками — мастерскими по добыче и первичной обработке кремня. Их дополнительное тщательное исследование позволит более конкретно характеризовать одну из главных черт хозяйства иеневских племен.

А. С. Фролов

О ХОЗЯЙСТВЕ ИЕНЕВСКИХ ПЛЕМЕН

Время существования иеневской мезолитической культуры большинством исследователей определяется бореальным, вероятно, самым началом атлантического периода (1-я пол. VIII — нач. V тыс. до н. э.), т. е. временем, когда здесь повсеместно были распространены крупные лесные массивы. Топография иеневских памятников, характер их кремневого инвентаря неоспоримо говорят об охотничьей и рыболовецкой деятельности, дополненной собирательством. Причем охота превалировала над последними.

По сравнению с существовавшей в VIII — VII тысячелетиях на этой же территории бутовской культурой, охотничье вооружение иеневских племен более дифференцировано. В первую очередь это выражается в присутствии на всех раскопанных памятниках различных типов наконечников стрел. Наряду с наконечниками прямого боя широко представлены наконечники стрел с поперечным или скошенным лезвием, различные геомикролиты: трапеции, ромбы, треугольники. Разнообразие наконечников, их форм и размеров свидетельствуют и о разнообразии метательных снарядов (лука и стрелы), и о специфическом их охотничьем назначении.

Наборы охотничьего вооружения с разных памятников подтверждают выводы ряда исследователей (Д. Кларк,

Р. Бродли, Э. Миккельсен, Л. В. Кольцов) о сезонной специализации охоты. Видимо, в зимнее время охота велась на все виды копытных (лось, олени, кабан и пр.) и пушных (волк, лисица, заяц, куница, бобр, выдра и пр.) животных, а также зимующих птиц (рябчик, глухарь, тетерев и др.). Весной и осенью основными объектами охоты становятся водоплавающая, боровая и (особенно осенью) перелетная дичь. Прекрасное знание первобытными людьми биологии и поведения всех видов животных и птиц могло каким-то образом ограничивать охоту на крупного зверя (добыча мяса) в весенне-летний период.

Одним из актуальных направлений изучения хозяйственной сезонной деятельности иеневских племен является исследование оставленных на памятниках жилищ и так называемых «рабочих площадок» — мест расщепления и обработки кремня.

Отсутствие в материалах иеневских памятников органических остатков не дает нам возможности с определенностью судить о методах и формах рыболовства и собирательства.

Все остальные виды деятельности: изготовление каменных орудий, обработка шкур, кости и дерева играли в хозяйстве подчиненную роль и в полной мере зависели от направленности охоты.

А. Е. Кравцов

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЕНЕВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Большинство исследователей относят иеневскую культуру к позднему мезолиту (Кольцов Л. В., 1984; Зализняк Л. Л., 1984, 1986; Ксензов В. П., 1988), помещая ее в рамки конца бореала — начала атлантического периода. Однако полученные в последние годы палинологические и радиоуглеродные датировки указывают на более ранний возраст ее памятников: стоянки Дальний Остров и Митино-5 датированы бореалом, Ладыжино-3 — ранним бореалом, стоянка Беливо-4А, отражающая взаимодействие иеневской и бутовской культур — в диапазоне 9,6—8,6 тыс. лет назад, что соответствует концу пребореала и первой половине бореального периода. Атлантические датировки стоянок Дмитровское-1 и Коприно, по нашему мнению, не достоверны, так как первая относится

лишь к погребенной почве, перекрывающей культурный слой, а вторая выполнена еще в 50-е годы и нуждается в проверке. Таким образом, значительная часть памятников иеневской культуры бытовала в бореале, включая и первую половину этого периода. Учитывая типологический состав и технико-морфологические особенности каменного инвентаря некоторых иеневских и сходных с ними стоянок (Беливо-4Г, Усть-Тудовка-4), допустимо предположить, что они являются еще более древними. Сказанное подтверждается близкими аналогиями в инвентаре поздних стоянок аренбургского круга в Скандинавии, отнесенных к раннему мезолиту на основании датировок методами естественно-научных дисциплин.

Нельзя считать решенным вопрос о происхождении иеневской культуры, которое в настоящее время принято связывать с миграцией в позднем мезолите групп населения стоянок типа Песочного Рва из бассейна Верхнего Днепра в Волго-Окский бассейн. Абсолютные датировки для памятников типа Песочного Рва отсутствуют, для иеневской культуры они малочисленны; сравнительно-типологический анализ опубликованных материалов не дает бесспорных доказательств более раннего возраста первых, а скорее указывает на приблизительную одновременность большей их части. Вероятно, памятники типа Песочного Рва и иеневская культура могли складываться одновременно, на однотипной поздне-, финально-палеолитической подоснове, включающей элементы аренбургские и, возможно, культурной общности федермессер и (или) сходные с ними, имеющиеся в некоторых позднепалеолитических комплексах Центра Русской равнины, таких как Боршево-1 и Заозерье-1. Хронологический разрыв между ними и мезолитическими стоянками пока не заполнен.

В связи с неразработанностью хронологии, вопросов происхождения и общим состоянием источниковедческой базы иеневской культуры, представляются спорными и реконструкции этнокультурных процессов, происходивших в мезолите в Волго-Окском междуречье (Кольцов Л. В., 1984); вытеснение пришлым иеневским населением носителей бутовской культуры на восток региона; последующая постепенная деградация иеневской культуры как «замкнутого культурно-этнического образования», основой хозяйственного уклада которого была «все более дифференцированная», а иногда «узкоспециализированная» охота; распад иеневской культуры при

обратном продвижении на запад носителей бутовской культуры, на базе которой и происходит сложение местного раннего неолита.

Положение о постсвидерской основе верхневолжской ранненеолитической культуры не вызывает возражений и подтверждается характером кремeneвого инвентаря ее ранних памятников. Однако предшествующие ему сложные построения кажутся не достаточно обоснованными фактическим материалом. Отсутствие элементов иеневской культуры в ранненеолитических комплексах может указывать на определенный хронологический разрыв между ними, по нашему мнению, приходящийся на начало атлантического периода.

Е. В. Леонова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИЕНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ р. ОКИ*

Характеристика иеневской культуры (далее и. к.), сделанная Л. В. Кольцовым, разработана в основном на базе верхневолжских памятников. Менее подробно окские материалы обобщены в работах А. С. Фролова и А. Н. Сорокина.

В последние годы значительно расширилась источниковедческая база и. к. в бассейне р. Оки. С 1984 года Подмосковным отрядом АЭ Музея истории г. Москвы исследовалась группа мезолитических стоянок с асимметричными наконечниками стрел на р. Нерской в Орехово-Зуевском районе Московской обл. К настоящему времени получены коллекции с памятников, на которых велись стационарные раскопки: Беливо-4Г (332 кв. м., 413 артефактов), Беливо-6Б (224 кв. м., 759 артефактов), Беливо-4А (209 кв. м., 2082 артефактов), Беливо-4Б (93 кв. м., 3179 артефактов).

Топография памятников Беливо-4А, 4Б, 6Б сходна, они расположены на краю бортовой террасы лев. бер. р. Нерской; Беливо-4Г находится на этой же террасе, но удалена от края и ориентирована на безымянный приток р. Нерской, занимая господствующую высоту на местности. Культурный слой не окрашен.

* Автор выражает глубокую благодарность А. Е. Кравцову за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы.

В связи с бедностью сырьевой базы на стоянках мало-численны или вовсе отсутствуют (4Г) нуклеусы, подлежащие полной утилизации. Нуклеус от отщепов 1 (6Б). На Беливо 4А и 4Б имеется несколько призматических и конических нуклеусов от микропластин. Система снятия параллельная, для Беливо 4Г и 6Б по негативам снятия на спинках реконструируются как одноплощадочные так и двуплощадочные нуклеусы, а для Беливо 4А и 4Б характерны одноплощадочные:

Пластина наряду с отщепом являлась основной заготовкой для орудий на Беливо 6Б — 50,7% и 4Б—51,5% орудий на пластинах, а на 4Г и 4А пластина как заготовка для морфологически выраженных орудий доминирует (соответственно 63,3 и 70,3%). Показательна и степень утилизации пластин, составляющая на Беливо 4Г — 47,7%, 6Б — 43,8%, 4А — 43,5%, и лишь на 4Б вторичную обработку имеют всего 22,8% пластин. Хотя индекс пластинчатости комплексов низкий — Беливо 4Г—15,7%, 6Б—10,5%, 4А—19,3%, 4Б—11,6%, что можно объяснить преобладанием в коллекциях мелких побочных продуктов расщепления.

Структура комплексов различна: на стоянках 4Г и 6Б доминируют среди орудий резцы, составляющие соответственно 51% и 42% от всех морфологически выраженных орудий. На стоянке Беливо 4А резцы продолжают преобладать, но их доля уменьшается (25,3%), а на 4Б наиболее многочисленной категорией являются скребки.

Не постоянен и типологический состав этих категорий орудий, в двух первых случаях среди резцов преобладают ретушные, а среди скребков — концевые. На 4А и 4Б доминируют резцы с неподработанной площадкой и доля концевых скребков снижается.

Объединяющим признаком стоянок является наличие во всех комплексах асимметричных колющих наконечников стрел с выемкой у основания и единичные высокие или средневысокие трапеции. На 4А этот набор дополнен серией черешковых наконечников стрел, выполненных в свидерской и аренсбургской традициях. Также на всех стоянках присутствуют «обушковые ножи», представленные на Беливо 4Г крупными экземплярами, на остальных — более мелкими производными формами, с дугообразными или прямыми затупленными краями.

Рубящие малочисленны, овальных или подтрапещиевидных форм. На Беливо 4А и 4Б для обработки рубящих из мягких пород камня эпизодически использовалась шлифовка. Специфические для и. к. формы «с перехватом» отсутствуют.

Т. о. перечисленные признаки позволяют отнести Беливо-4Г и 6Б к памятникам и. к., 4А, бытовавшая, вероятно, несколько позднее, была интерпретирована А. Е. Кравцовым как отражение взаимодействия бутовской и и. к. Беливо — 4Б, возможно самый поздний памятник из настоящей группы. Хронология группы намечается радиоуглеродной датировкой Беливо-4А — 8,6 — 9,6 тыс. л. н.

В. В. Сидоров

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПЯМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В ПОДМОСКОВЬЕ

Территория Подмосквья — западная половина Волго-Окского междуречья с прилегающими частями долин Волги и Оки включает довольно контрастно различающиеся зоны, для каждой из которых характерна своя специфика набора памятников, их состояния, их концентрации, что отражает специфику взаимоотношения человека и природы в различные эпохи, с различными типами хозяйства. Обследование Подмосквья позволяет выявить ряд закономерностей. В основе специфики зон лежат: 1. Особенности геологического строения. 2. Направленность современных тектонических движений. 3. Положение границы Московского оледенения, сформировавшего мезорельеф. 4. Положение основных магистральных долин. 5. — менее всего сказывается широтное положение.

Выделяются следующие зоны: 1. Поочье. 2. Московско-Окская задровая равнина. 3. Мещерская низменность. 4. Клиноско-Дмитровская гряда. 5. Верхне-Волжская низменность.

По Оке выявлены группы мезолитических стоянок. Вероятно здесь обнаружение памятников эпохи палеолита. До сих пор достоверно неизвестны долговременные неолитические стоянки, хотя кратковременных много. Выявлен тип пойменных стоянок. В эпоху бронзы долина снова широко осваивается, что связано с переходом к скотоводству. Необ-

ходимо отметить обилие выходов высококачественного кремня.

Московско-Окская задровая равнина, расчлененная долинами малых рек, исключительно бедна памятниками. Они есть лишь по периферии зоны и по р. Наре, которая верховьями подходит к долине Москвы и имеет здесь озерную систему с группой стоянок. Однако, не исключена возможность находок палеолитического характера.

Мещерская низменность делится на Западную с изолированными озерными системами и бассейн При с центральными Мещерскими озерами. Здесь есть и мезолитические, и неолитические памятники. Озера довольно быстро деградировали, что позволяет выделять ранние комплексы, на которые не накладываются более поздние. Часть озер оказалась деградирована до начала эпохи бронзы (Маслово болото). Другие оставались населенными до железного века. Эта зона наиболее богата крупными поселениями. Однако, часть торфяников, несмотря на тщательные разведки, находок не дает. Видимо, здесь реликтовые озерные системы оказались «реставрированы» в процессе заболачивания.

Клинско-Дмитровская гряда дает группы памятников, связанные с изолированными и небольшими озерными системами. Разнообразие условий и направленности болотных процессов здесь гораздо большие, чем в Мещере. Мы не исключаем возможность выделения позднепалеолитических комплексов на верхних террасах озер. Мезолит представлен в большей их части. Неолитические и бронзовые стоянки и поселения тяготеют к устьевым участкам, к горловинам и островам. Крупных раскопок не проводилось (кроме Тростенского и Круглого озер).

Верхне-Волжская низменность — остатки позднеледникового Тверского озера. Здесь хорошо выражены песчаные озерные террасы и уступы на склонах гряды, конуса выноса. Памятники на песчаных террасах могут оказываться открытыми распашкой, но на склонах они, скорее всего, закрыты делювием. Исключительно важны торфяниковые памятники, типа громадной Замостьинской стоянки. Район обследован совершенно недостаточно. Раскапывалась лишь группа Сушево-Никола-Перевоз. Вероятны находки палеолита на склоне Клиноско-Дмитровской гряды, по долинам таких рек, как Лутосня, Яхрома, Сестра, Веля, Лама. Вероятны находки еще нескольких неолитических групп на озерах в долинах Шоши-Ламы, в Талдомском р-не.

А. Н. Сорокин

РЕССЕТИНСКАЯ КУЛЬТУРА

(к проблеме изучения памятников рубежа плейстоцен-голоцен в центре Русской равнины)

До открытия в 1983 г. рессетинской культуры в Центре Русской равнины не было известно памятников; датируемых рубежом плейстоцена-голоцена, коллекции которых обладали бы набором изделий, достаточным для их культурной атрибуции. Разрыв между верхнепалеолитическими и раннемезолитическими комплексами заполнялся единичными предметами или подъемными материалами, которые с большей или меньшей долей вероятности увязывались с кругом западноевропейских финально-палеолитических культур — с непрременной оговоркой об «...известном своеобразии рассматриваемых предметов». Изучение этих коллекций показывает, что в регионе нет пока в чистом виде памятников ни одной из перечисленных культур. В отличие от них рессетинские стоянки дают статистически представительные коллекции. Геологически и палинологически возраст рессетинской культуры определяется дриасом III — пребореалом. Следовательно, выделение рессетинской культуры позволяет впервые сформулировать саму проблему памятников переходного от палеолита к мезолиту времени.

Памятники расположены на краевых участках речных террас, часто в местах озеровидных пойменных расширений и приурочены к задрам платформенных поднятий (Средне-Русской возвышенности, Клинско-Дмитровской гряды, Валдайской возвышенности). Они выявлены на верхней и средней Оке, верхней Волге и Западной Двине. Важнейшие стоянки: Рессета 3 и 2, Суконцево 8 и 9, Альба 2 и 3, Усть-Тудовка 4 (нижний слой), Золотилово 1, Таруса 1, Борки и др.

Техника первичной обработки основана на расщеплении одноплощадочных конических и призматических ядрищ, их дополняют двуплощадочные подпризматические, одно- или двуплощадочные торцевые. Заготовки для орудий разнообразны — пластины, микропластины, отщепы, желваки, бифасы и, в порядке исключения, технологические сколы. Для вторичной обработки характерны затупливающая ретушь, микрорезцовая техника, двухсторонняя оббивка и ретуширо-

вание, эпизодически присутствуют приотстригающая и уплощающая ретушь, а также техника транше. Микролитическая и макролитическая техника развиты одинаково высоко.

Охотничье вооружение своеобразно — это миниатюрные наконечники с боковой выемкой и неретушированным пером (тип А) и рессетинские остря — изделия из микропластин с затупленным крутой ретушью на спинке краем, скошенным пером, шиповидным выступом и микрорезцовым сколом (тип Б). Их дополняют микролиты с затупленным ретушью краем, остря со сходящимися ретушированными краями, косые остря и, вероятно, вкладыши из фрагментированных пластин. Обрабатываемые орудия представлены резцами на сломе заготовки, ретушными и двугранными; скребками концевыми, боковыми, двойными, округлыми и, реже, раклетами; скребками и бифасами, скобелями одно- и многовыемчатыми, топорами и теслами подтрапецевидной и подовальной формы, а также с зауженным обухом; комбинированными орудиями, тронкированными пластинами, ножами и сверлами с невыделанными рабочими участками. Из отходов производства встречаются микрорезцы и резцовые сколы.

Материалы рессетинской культуры проявляют сходство с верхнепалеолитическими памятниками типа Гагарино-Хотылево 2, относящимися к кругу культур с наконечниками с боковой выемкой, и, возможно, отражают факт приспособления групп древнего населения Восточно-Европейской равнины, переживших валдайское оледенение, к условиям позднеледникового и раннеголоценового времени. В пребореальное время на основе рессетинской культуры складываются кундская и бутовская культуры.

А. С. Смирнов

КРАСНОЕ Х — ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК НЕОЛИТА ВЕРХНЕЙ ОКИ

В настоящее время наиболее перспективным районом для изучения памятников эпохи неолита в Верхнем Поочье является Брянско-Жиздринское полесье, расположенное на юге Калужской области. Обилие памятников и удачные геолого-морфологические условия объясняют длительное и целенаправленное изучение поселений, давших к настоящему времени обильный и уникальный материал.

Наиболее полно изучено поселение Красное X. Раскопки на нем ведутся с 1982 г. Раскопано 750 кв. м. Первоначально исследовалась суходольная, возвышенная часть поселения. В 1985 г. в прибрежной части был обнаружен шлейф культурного слоя, перекрытый мощными торфяными отложениями. Это позволило говорить об открытии первой в верхнем Поочье торфяниковой стоянке. В последующие годы основной целью было исследование торфяниковой части поселения, наиболее полно раскопанной в 1988 г. Возможность радиоуглеродного и споропыльцевого датирования, литологической анализ торфяника, обилие и выразительность кремневого и керамического инвентаря позволяют считать поселение Красное X опорным памятником эпохи неолита-энеолита для региона Верхнего Поочья. Кроме этого представляется возможным восстановить эволюцию природно-климатических условий, объяснить смену условий осадконакопления и их возможные перерывы.

Культурный слой памятника, стратиграфически не разделенный в суходольной части, в пойменной располагается в нескольких литологических горизонтах. Материалы, относящиеся к мезолитическому времени, лежат на первоначальной поверхности древнего склона в толще слоистой супеси бореального времени (конец раннего голоцена). Растительность характеризуется господством березы (59%) при подчиненном положении хвойных пород (не более 20%) и малом количестве широколиственных (7%). Выше залегают песчаные и торфяниковые слои, где обнаружены остатки неолитических культур. В это время здесь произрастали хвойные породы при незначительном количестве широколиственных. Над ними образовался довольно мощный пласт торфа, времени атлантического оптимума. Климат этого времени достаточно теплый, древесная растительность характеризуется высоким содержанием широколиственных пород (до 30%), хвойные не превышают 20%. Неудивительно, что подобные торфяниковые отложения на памятнике содержат материалы степных энеолитических культур, проникавших в Нижнее Поочье с более южных территорий.

В вышележащих слоях торфяника обнаружены единичные фрагменты керамики эпохи бронзы. Все они дают господство хвойных пород (ель — 30/50%, сосна — 50/60%). По соотношению ели — сосны выделяются два спектра. Нижняя

часть толщи отличается высоким содержанием пыльцы сосны, ели при незначительном количестве березы и широколиственных, что характерно для суббореального, начала субатлантического периода. В верхней части доминирует пыльца сосны, снижается количество ели, увеличивается присутствие березы. Характерно большое участие травянистых, злаков, осок. Подобное увеличение количества пыльцы березы характерно для субатлантического периода. В перекрывающей всю толщу слоев песчаной прослойке обнаружены обломки средневековых сосудов.

Наиболее верхний стратиграфический комплекс составлен т. н. аллохтонным торфом — чередующимся песчаными и супесчаными прослойками, отразившими периодические разливы проточного водоема.

Б. В. Грудинкин

СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА КАЛУЖСКО-АЛЕКСИНСКОГО КАНЬОНА

Изучение стоянок каменного века начато в конце прошлого века калужскими краеведами И. Д. Четыркиным и А. А. Асоновым. Ими открыты и раскопаны два памятника. Четыркиным кремнеобрабатывающая мастерская в устье р. Калужки и Асоновым стоянка близ д. Воронино. К сожалению, материал этих раскопок частично утрачен, а сохранившаяся документация неполна.

Интенсивное исследование памятников археологии началось с работами по составлению Свода памятников Калужской области. Были открыты и частично раскопаны такие стоянки, как Брагино, Турынинские Дворики и кремнеобрабатывающая мастерская в Калуге.

С созданием Неолитического отряда Калужской экспедиции работа сосредоточилась на исследовании памятников каменного века Калужско-Алексинского каньона.

Обследовано 23 пункта, из них 18 впервые. Памятники представлены двумя типами: стоянками и мастерскими. В свою очередь стоянки можно разделить на долговременные поселения и сезонные охотничьи лагеря. К первому типу относятся стоянки: Картавцево, Троицкое, Коврово, Борщевка, Кольцово-Кашурки, Висляево, Воронино, Пески, Брагино, Турынинские Дворики, Калуга. Ко второму — Дugna, Огар-

ково, Семеновка, Михайловка, Усадье, Новолоки, Никольское-1, Никольское-2, Криуши, Пучково, Некрасово.

Мастерские Воронино, Пучково, Калуга также различаются по ряду признаков: Мастерские близ Воронина и Пучково служили для первичной обработки кремня. Здесь же найдены орудия макролитической формы. Мастерская в Калуге была стационарным пунктом для изготовления различных орудий, в основном рубящих.

Хронологически памятники делятся на мезолитические и неолитические. К мезолитическим памятникам относятся: Брагино, Никольское-2, Турынинские Дворики, мастерская близ Пучково и в Калуге. К неолитическим следует отнести памятники: Картавцево, Троицкое, Коврово, Огарково, Борщевка, Кольцово-Кашурки, Висляево, Воронино, мастерская близ Воронино, Пески, Михайловка, Новолоки, Никольское-1, Криуши, Пучково, Некрасово, Калуга.

Поскольку большая часть находок представлена подъемным материалом то установить относительную хронологию между отдельными памятниками можно лишь сопоставив с материалами хорошо изученных стоянок. Среди находок преобладают фрагменты керамики. Из кремневых предметов более всего отходов производства. Следовательно, большинство орудий изготавливалось на поселении и лишь часть в специализированных мастерских.

Мезолитические памятники изучены лучше. В Волго-Окском бассейне выделены две мезолитические культуры—бутовская и иневская. К бутовской относятся стоянки: Турынинские Дворики, Никольское-2. Для этих памятников характерны находки микролитов, микропластин, концевых скребков, конических нуклеусов, вкладышей. Стоянку Брагино и часть материала калужской мастерской следует отнести к иневской позднемезолитической культуре. Материал этих памятников представлен призматическими и аморфной формы нуклеусами, скребками и скобелями на отщепах, сверлами с обушком, постсвидерскими наконечниками, макролитами. Скрепки преобладают над резцами.

К раннему неолиту следует отнести стоянку Некрасово. Фрагменты керамики украшены здесь простым круглоямочным орнаментом, характерным для льяловской раннеолитической культуры. Орудия — массивные, крупные изготовлены грубой оббивкой, представлены скреблами, скребками, стругами, крупными отщепами, служившими, вероятно, ножами.

К среднему этапу неолита относятся стоянки: Пучково, Никольское-1, Новолоки, Усадье, Михайловка, Пески, Воронино, Огарково, Коврово. Фрагменты керамики здесь орнаментированы различными по форме ямками, гребенкой, штампами, сочетаниями ямок с гребенкой и штампами. Венчики как прямые, так и слегка отогнутые. Иногда недалеко от края венчика находится отверстие.

Орудия изготовлены из местных пород кремня и тщательно обработаны. Это различные ножевидные пластины, скребки, скобели, сверла, пилки, призматические нуклеусы, острия.

К позднему неолиту относятся стоянки: Калуга, Воронино, Висляево, Кольцово-Кашурки, Борщевка, Троицкое, Картавцево. На этом этапе орнаментация керамики усложняется: ямки и гребенки собраны в фигуры, часты сочетания неорнаментированной поверхности с покрытой орнаментом. Стенки сосудов становятся тоньше, их обжиг улучшается, примесь дресвы становится незначительной. В орудийном комплексе изменений не наблюдается.

А. Я. Брюсов неолитические стоянки верхнего течения Оки выделял в белевскую культуру. А. С. Смирновым установлено, что стоянки Верхней Оки образуют своеобразную контактную группу памятников, для которой характерны отдельные черты верхнеднепровской, верхневолжской, льяловской и, частично, волосовской и рязанской культур. Из этих культур начинали складываться своеобразная культура, центр, которой находился в Калужско-Алексинском каньоне, чему способствовали благоприятные климатические условия и богатые природные ресурсы.

В. П. Челябинов

НОВЫЙ ПОЗДНЯКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК НА СРЕДНЕЙ ОКЕ

В 1977—79, 1981, 1983 гг. экспедицией Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника исследован курганный могильник поздняковской культуры. Курганная группа находится в 1,2 км к северо-северо-востоку от с. Засечье Спасского р-на Рязанской области, первой надпойменной террасе правого берега р. Прони в 3 км от ее впадения в р. Оку. Могильник сильно разрушен песчаным карьером и дорогой. Перед началом раскопок он насчитывал 10 курганов, но

опрос местных жителей показал, что на месте современного котлована находилось, по крайней мере, еще 3 кургана. В результате осмотра карьера найдено 9 бронзовых вещей из разрушенных погребений: 2 желобчатых браслета с заходящими концами и 3 обломка от аналогичных браслетов, широкий пластинчатый браслет и обломок такого же браслета, проволочный браслет и пронизка.

Раскопано 8 курганов. Насыпи курганов размером от 10x9 до 18x14 м и высотой от 0,3 до 1 м имели полушарую удлиненную форму. Насыпаны из грунта серо-коричневого цвета, нижняя часть сильно насыщена ожелезвившимися конкрециями, что создавало впечатление слоистости. Встречено большое количество вкраплений угольков и золы, фрагментов керамики эпохи бронзы, кремневых отщепов, кусков кремня, часть из которых, вероятно, попала сюда из стоянки Засеченская III, расположенной в непосредственной близости от могильника.

В раскопанных курганах встречено 46 погребений. Под насыпями находилось от 3 до 11 могил. Костяки не сохранились. В заполнениях могильных ям встречены угольки, фрагменты керамики и кремневые отщепы. Ямы имели подпрямоугольную форму с закругленными углами. Размеры: длина — от 1 до 3,6 м, ширина — от 0,5 до 1,6 м, глубина — от 0,9 до 1 м. В 3-х погребениях размеры могильных ям не прослежены (погребение 1, курган 1 было разрушено карьером), два погребения совершены на материке (погребение 4, курган 1; погребение 6, курган 4). Преобладающая ориентировка могильных ям: В—З (14 могил), СВВ—ЮЗЗ (14 могил), СВ—ЮЗ (6 могил), встречены 4 могилы с ориентировкой ЮВ—ЮЗ, 4 — ЮЮВ—ССЗ и 1—СЮ по одному типу. В погребении 2 кургана 1 прослежены остатки конструкции сгоревшей погребальной камеры. Под насыпями курганов большинство погребений расположено по линии север—юг с ориентировкой В—З, СВ—ЮЗ, ССВ—ЮЮЗ. В кургане 4 могилы расположены вокруг центрального погребения 1, в связи с чем ориентировка здесь неустойчивая (В—З, СВ—ЮЗ, СЗ—ЮВ, С—Ю). Такая же разнообразная ориентировка могильных ям была и в кургане 6.

Могильник отличается богатством погребального инвентаря. В 14 могилах встречено 28 бронзовых предметов: браслеты, наконечники копий, ножи срубного типа, перстни, шило. Во втулках наконечников копий сохранился древесный

тлен от древков, а на ушках кусочки тканей, вероятно, служившие для привязывания наконечников к древкам. Бронзовые изделия из курганов имеют аналогии в ранних памятниках поздняяковской культуры.

В погребениях встречено 33 глиняных сосуда, 23 сосуда найдены в насыпях курганов. В 6 погребениях стояло по 2 сосуда. Сосуды обычных поздняяковских форм: остророберные, горшковидные, баночные, встречены миниатюрные сосудики. На сосудах нанесен орнамент в виде ромбов, заштрихованных треугольников, параллельных и ломаных линий, горизонтальной елочки, меандра. В насыпи кургана 2 найден развал балановского сосуда чашевидной формы, украшенный опущенными вершиной вниз заштрихованными треугольниками, выполненными мелкозубчатым штампом. В погребении 5 кургана 3 найден остророберный сосуд с поддоном, а в погребении 3 кургана 3 находился обломок глиняной литейной формы, свидетельствующий о наличии у поздняяковцев металлообработки бронзы.

Многочисленен каменный инвентарь, найденный в могилах. В погребении 7 кургана 3 (7 шт.), погребении 1 кургана 5 (5 шт.), и погребении 2 кургана 7 (5 шт.) найдены кремневые наконечники стрел с черешком, лежавшие компактными кучками, вероятно, находившиеся в несохранившихся колчанах. Кроме того, по одному кремневому наконечнику встречено в погребении 3 кургана 2 и в погребении 1 кургана 3, 2 наконечника найдены в погребении 3 кургана 6. В погребении 7 кургана 3 найдена каменная полированная булава, имеющая аналогии в Бородинском кладе и точильный брусок. Кремневые скребки встречены в погребении 5 кургана 3 (5 шт.) и погребении 7 кургана 5 (1 скребок). У западного края могилы 1 кургана 4 лежали кремневые отщепы и куски кремня, их нахождение здесь, вероятно, имело ритуальное назначение.

Засеченские курганы датируются временем близким к середине II тыс. до н. э. Рассматриваемый памятник является первым раскопанным поздняяковским курганным могильником в бассейне средней Оки. Кроме того, он интересен тем, что в настоящее время это самый западный могильник, в котором найдены бронзовые наконечники копий сейминского типа, имеющие важное значение для создания абсолютной хронологии среднеокского региона в эпоху бронзы.

ПОСЕЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПО НИЖНЕМУ
ТЕЧЕНИЮ РЕКИ УГРЫ

Впервые разведки и раскопки по нижнему течению р. Угры были проведены в 1934—1936 гг. экспедицией ГАИМК. Был обследован участок от устья до с. Николо-Ленивец. В 1950 году Т. Н. Никольской проведены раскопки городища у д. Свиногово. В 1954—1955 гг. Верхнеокским отрядом Славянской археологической экспедиции ИИМКа под руководством Т. Н. Никольской проведены раскопки городища Николо-Ленивец и завершены разведки по р. Угре от этого городища до границ со Смоленской областью. В 1973—1975 гг. и в 1987 г. автором проводились разведки по нижнему течению р. Угры. В 1978 году Верхнеокской экспедицией под руководством И. К. Фролова проводились археологические разведки и обследования известных памятников археологии.

В результате этих работ выявлено большое количество памятников археологии, среди которых резко преобладают поселения железного века.

На участке долины р. Угры от г. Юхнова до устья к настоящему времени известно 44 поселения, из них 10 на нижнем течении р. Шани, притоке Угры. Из 44 объектов 16 городищ, остальные—селища.

Все городища, кроме одного, приурочены ко вторым или третьим террасам долины реки Угры и ее притоков. Из 16 городищ 2 мысовых, 2 находятся на далеко выступающих мысах коренного берега Угры, остальные приурочены к полого-наклонным площадкам между двумя оврагами или оврагом и склоном к реке. Все городища, кроме мысовых, в плане имеют форму овально-четырёхугольную. Размер площадок городищ обычно составляет 3—4 тыс. кв. м.

Оборонительные сооружения имеют разный характер. В шести случаях с напольной стороны площадка защищена системой двойных или тройных валов и рвов, особенно хорошо они сохранились на городище у д. Тучнево. В остальных случаях имеется один вал и ров. Городище у пос. Щезавода № 17 расположено на останце оза, возвышаясь на 39 м над р. Шаней и на 12 м над напольным окружением, такое выгодное естественное положение позволило не создавать специальных укреплений.

Из 28 селищ 23 расположены либо на первой надпойменной террасе, либо на ее останцах. Одно селище у д. Озеро находится на водоразделе на берегу ледникового озера, в стороне от водотоков. Два селища расположены около русла р. Шани, на озах, на высоте 20—25 м над урезом вод. Еще два селища приурочены ко второй террасе.

Площадь селищ колеблется в широких пределах: от первых тысяч кв. м до нескольких гектаров. Причем иногда они вытянуты на сотни метров вдоль края террас: Якшуновское, Колышевское и Росвянские селища. Мощность культурного слоя поселений изменяется от 0,15 м до 1,6 м. На некоторых селищах мощность его достигает 0,9—1,0 м.

Всю керамику с поселений нижней Угры можно разделить на шесть типов. Первый тип: лепная серая и серо-коричневая с сетчатым рисунком, толщина керамики 5—6 мм; единичные находки на городищах Покров, Тучнево и на селище Касельгино.

Второй тип: лепная тонкостенная серого, пепельно-серого, иногда серо-коричневого цветов, поверхность шероховатая, иногда бугристая. Орнамент обычно отсутствует, только у некоторой по краю прямого венчика идет насечка, да по слабо выраженной шейке редкие неглубокие круглые углубления. Сосуды чаще баночной формы. Край венчика обычно утончен. Донца с закраинками. Толщина керамики менее 5 мм.

Третий тип: лепная серо-коричневая, реже серая и темно-серая. Тесто с добавками дресвы, поэтому, поверхность бугристая. Сосуды разнообразных размеров, от небольших баночного типа до крупных с довольно хорошо выраженным плечом и слегка отогнутым венчиком, есть мелкие, грубослепленные сосудики тюльпановидной формы. По краю венчика и по плечу идет ногтевой орнамент, иногда по венчику наблюдается защитной.

Четвертый тип: толстостенная лепная керамика от темно-серой до красно-бурой, преобладает пятнистая серо-коричневая. Тесто с разнородными добавками, грубое. Сосуды обычно крупные, бочонкообразные. Этот тип керамики несет орнамент как по венчику так и по шейке и тулову. Основные типы орнамента: ногтевой, ямчатый, перевитая веревочка, комбинированный. Донца чаще с приглаженной, в виде валика, закраинкой, снизу плоские со слоем песка и пепла. По-видимому, формовка велась на твердых подставках с подсыпкой песка с золой.

Пятый тип: чернолощенная керамика, толщина ее не превышает 5—7 мм. Сосуды в основном в виде мисок, есть хорошо профилированные.

Шестой тип: подлощенная, обычно серо-коричневого цвета, толщина 5—8 мм. Сосуды от небольших мисок до бочонкообразных средних размеров. Донца с закругленными, в виде валика, закраинками. Среди этого типа можно выделить коричневую керамику, в виде высоких кувшинов, с толщиной черепка 6—8 мм. Ее внутренняя поверхность хорошо замыта, а снаружи неровная лепная поверхность в вертикальной плоскости приглажена плоской палочной. Это придало наружной поверхности граненный вид. Переход от тулова к донцу прямое, иногда — подкошено под стенки тулова к середине донца.

Третий и четвертый типы керамики схожи с керамикой поселений верхней Волги и Днепра, а четвертый и шестой — с дьяковской керамикой бассейна р. Москвы.

Пограничное положение бассейна реки Угры на стыке целого ряда культурных сообществ на протяжении всего железного века, сказалось и на глиняной керамике. Наиболее древняя несет черты юхновской, затем верхнеднепровской и дьяковской и, под конец, культурного напластования, заруби-нецкой.

Судя по остаткам керамики, поселения возникали и умирали на протяжении всего железного века, хотя основная их часть прекратила свое существование в начале 3-й четверти I тыс. н. э.

Л. Н. Красницкий

ГОРОДИЩА ВЕРХНЕОКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

2 пол. I тыс. до н. э.

В настоящее время на территории верхнеокской культуры (левобережье Оки от устья Орлика до устья Угры и нижнее течение Зуши) известно 58 поселений, из которых 33 — городища, имеющих слой 2 пол. I тыс. до н. э.

Верхнеокские городища делятся на два типа: мысовые и болотные, на основе высоты над уровнем реки или поймы — 12—34 м для мысовых городищ, 3—7 м — для болотных.

Мысовые городища. Из 33 известных городищ к данному типу относится 21. Чаще всего это мыс высокого берега и оврага с протекающим по дну ручьем (14 поселений), реже — участок высокого берега реки между устьями двух оврагов (5 поселений). Форма площадки зависела от конфигурации мыса: обычно треугольная (12 поселений), реже подпрямоугольная или овальная. Размеры площадок: от 800 до 5000 кв. м. Мощность культурного слоя обычно не превышает 0,3—0,4 м.

Наиболее удобной представляется классификация мысовых городищ по наличию валов со рвами.

I. Городища с тремя валами (3). Два известны на территории Калужской области: Свинухово II, Кудеяров поселок II; одно — Тульская обл. — Мишенское. Следует отметить наличие подобных городищ в пограничных зонах: Анисимово (р. Лужа), Городец (р. Угра) и Сатинки (р. Упа). Можно предполагать, что городища с тремя валами не характерны для верхнеокской культуры.

II. Городища с одним валом (10). Калужская обл.: Николо-Ленивец, Бекасово, Лоск, Вороново и Гремячее. Тульская обл.: Синюково, Каменка, Песковатое, Орловская обл.: Кошелево и Жилино. Из них лишь два однослойные: Гремячее и Жилино. Остальные имеют несколько слоев от середины I тыс. до н. э. до XIV—XVI вв. Стационарные раскопки проводились на городищах Жилино, Синюково, Вороново и Николо-Ленивец, но лишь на последнем они подтвердили наличие укреплений с начала существования поселения. Возможно часть данных городищ была возведена на селищах 2 пол. I тыс. до н. э. в более позднее время.

III. Городища с двумя валами (8). Калужская обл.: Свинухово I, Миленки и Кириллово II. Орловская обл.: Надежда, Торкуновка, Старенково, Михайлов Брод и Роженец. Миленки, Роженец и Надежда — однослойные памятники. Наличие укреплений со 2 пол. I тыс. до н. э., выявлено в ходе раскопок Свинухово I и Торкуновки. Преобладание в материалах разведок городищ Кириллово II, Михайлов Брод и Старенково керамики 2 пол. I тыс. до н. э. и архитектоника их укреплений дает возможность предполагать наличие валов в данный период. Следует отметить, что на двухваловых городищах жизнь прекращается на рубеже н. э. и возобновляется на некоторых лишь в середине I тыс. н. э. и позже.

Болотные городища. Данный тип городищ в Верхнеокском регионе известен в междуречье Нугри и Жиздры, однако следует отметить слабую изученность центральной части региона — Сухиничской низменности, обильной болотами. Известно 13 городищ данного типа. Из них 9—в Калужской обл.: Скурынск, Улемец, Авдеевка, Жиздра, Мужитино, Полом, Павлово, Орля и Иночка; 4—в Орловской области: Родовище, Городище, Знаменское, Жуевка. На Мужитино в к. XIX в. проводил раскопки Булычев Н. И., остальные обследованы только разведками (Фролов И. К.—1974—76 гг.). Отмечено большое разнообразие оборонительных сооружений данных городищ, насчитывающих от одного до пяти валов. Рвы не всегда просматриваются. Валы встречаются кольцевые и прикрывающие поселение лишь с напольной стороны, комбинированные системы из кольцевых и дополнительных или только двух кольцевых валов. Такое разнообразие дает возможность классифицировать болотные городища только по их месторасположению.

I. «Островные» городища (7). Расположены на островах — возвышенностях в болотной местности. Форма площадок овальная, размеры: от 1000 до 6500 кв. м. Три городища: Родовище, Авдеевка, Мужитино — имеют по одному кольцевому валу, Скурынск — два. Улемец и Жиздра прикрыты валами лишь с напольной стороны, а оборонительная система городища Полом состоит из одного кольцевого и четырех дополнительных валов.

II. Мысовые болотные городища (3). Расположены на мысах небольших рек и ручьев в болотистых поймах. Форма площадок треугольная, защитные сооружения имеют только с напольной стороны. Городище Знаменское имеет один вал, Павлово — два вала, Орля — три вала со рвами.

III. Овражные болотные городища (2). Жуевка и Иночка расположены на мысах двух оврагов в болотистой местности. Форма площадок овальная. Жуевка имеет кольцевой вал, усиленный дополнительным с напольной стороны, Иночка — три вала со рвами с напольной стороны.

По данным разведок И. К. Фролова 10 болотных городищ однослойны. Нет данных о возведении городищ болотного типа в более поздние эпохи. Если вышеназванные факты подтвердятся при дальнейших исследованиях, то можно будет говорить об особенности верхнеокской культуры 2 пол. I тыс. до н. э., присущей в данном регионе только ей — возведение городищ болотного типа.

Г. А. Массалитина

НОВЫЕ ЖИЛИЩА ПЕЧЕПСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЕРХНЕЙ ДЕСНЕ

К настоящему времени в исследовании древностей I-й пол. I тыс. н. э. лесной полосы Левобережья Днепра достигнуты значительные успехи. В центре внимания продолжает оставаться судьба всех групп позднезарубинецкого населения. В последние годы особый интерес у исследователей вызывает проблема взаимоотношений этого населения с племенами, оставившими на этой же территории памятники киевской культуры, а также роль, которую сыграло позднезарубинецкое население в истории соседних территорий.

Одним из районов, попавших в поле зрения исследователей, оказалось Верхнее и Среднее Подесенье, где удалось выявить две группы древностей: почепскую культуру, оставленную одной из групп позднезарубинецкого населения и сменяющие ее здесь раннекиевские памятники.

При изучении связей, влияний, преемственности между культурами большое значение имеет вопрос о характере домостроительства. В целом прослеживаются два основных типа жилища: наземные дома столбовой конструкции и полуземлянки. К сожалению памятников, где однозначность реконструкции не вызвала бы сомнений, известно мало. Поэтому каждое вновь обнаруженное жилище представляет интерес.

В 1988 году одним из отрядов Деснинской экспедиции АН СССР на поселении Святое IV Навлинского района Брянской области исследованы два почепских жилища.

Поселение Святое IV находится на невысоком всхолмлении в пойме Навли. Основная часть находок, содержащихся в культурном слое, относится к эпохе неолита и бронзы. Материалы железного века немногочисленны и фрагментарны.

Оба жилища располагались в непосредственной близости друг от друга, расстояние между ближайшими их точками — около трех метров. Темное пятно полуземлянки 1, имеющее неправильную форму, отчетливо читалось на чистом желтом материковом песке. По мере выборки заполнения площадь пятна сокращалась, очертания его становились более правильными, пока, наконец, не приобрели форму прямоугольника со сторонами 3,75х3,35 м, ориентированными по сторонам света. Начиная с этого уровня и вплоть до основания стены

котлована были строго вертикальны; в материк он оказался углубленным на 0,75 м. В центре постройки располагалась яма неправильной формы диаметром около 9,5 м, глубиной 0,3 м. Видимо, это яма от центрального опорного столба. Вокруг нее, а также по всей площади основания полуземлянки, находились ямки маленького диаметра, возможно, имеющие отношение к интерьеру постройки. Пол ровный, горизонтальный, без следов подмазки. По всему контуру основания постройки, вдоль стен, тянулась западина, местами прерывистая, (ширина 0,18 м, глубина — до 9,12 м). Заполнение этого углубления, а также всех маленьких ямок было однородным — слабозолистым, с включением мелких угольков. Тонкая прослойка такого же состава покрывала почти всю площадь основания котлована.

Следов отопительного устройства не обнаружено. Но заполнение центральной ямы было более золистым и жирным. Полуземлянки подобного рода известны на селищах почепской культуры. (Почепское, Хотылевское, Синьковское и др.). По аналогии с ними можно предположить, что открытый очаг, от которого часто не остается следов, располагался у опорного столба. А деревянная облицовка постройки, видимо, представляла собой сруб, так как следов от столбов по периметру основания не прослежено.

Удивительно почти полное отсутствие инвентаря в заполнении жилища. Помимо маловыразительных фрагментов керамики обнаружены сосуд и железный предмет неизвестного назначения. Сосуд принадлежит к типу обычной для почепских поселений посуды: это профилированный округлобокий горшок. Максимальное расширение тулова приходится почти на середину высоты. Ближайшие аналогии: ему встречены на селищах в устье р. Гасомы и Почепском. Можно указать лишь приблизительную дату постройки — I тыс. н. э.

Пятно от полуземлянки 2 в плане имело подквадратные очертания. В верхней части котлована постройки обнаружены выступы разных очертаний, вырубленные в материке и расположенные почти крестообразно. Ниже их уровня стенки котлована опускались строго вертикально, а контур основания постройки приобрел форму почти правильного круга.

Следы столбов и отопительного устройства не прослежены. В центре пола жилища обнаружена западина неправиль-

ных очертаний, около 0,1 м глубиной. Небольшие, круглые в плане ямки располагались по всей площадке пола жилища. Никакого порядка в их расположении не отмечено. В некоторых местах по контуру основания замечено такое же углубление вокруг стен, как и в полуземлянке 1, но едва заметное. Находок в заполнении не обнаружено. Аналогий полуземлянке 2 нам неизвестно.

Е. А. Шинаков, Н. Е. Ющенко

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТАРОДУБСКОМ ОПОЛЬЕ

1. Стародубское ополье — самый юго-западный островок лесостепного ландшафта в пределах лесной зоны РСФСР. По мнению специалистов — палеоботаников и почвоведов ополья сформировались окончательно уже в XII—XIV вв. в результате воздействия антропогенного фактора на сравнительно небольшие по площади участки лесной зоны с большой плодородности почвой, находящиеся, как правило, на водоразделах.

2. Плотность распространения памятников конца X—XIV вв. в Стародубском ополье, как показали разведки авторов в 1985—1988 г. г., намного выше (до 2,6 на 10 км кв.), чем в прилегающих, более залесенных и с другими почвенными характеристиками зонах. На небольшой части ополья (10x20 км), подвергшейся сплошному обследованию, выявлено более 70 памятников указанной эпохи.

3. Стародуб расположен в центре южной границы ополья в среднем течении р. Бабинец южнее которой уже начинается залесенная и болотистая территория, где количество памятников и их концентрация резко сокращаются (менее 1 на 100 кв. км.). При раскопках в центральной части древнерусского посада, общая площадь которого достигает 12 га, выяснилось, что горизонт конца X — начала XI вв., древнейший в этой части города, залегает на слое чистого чернозема мощностью в 50—80 см, погребенного под 2,5—3,0-метровым культурным слоем. В настоящее время во всех пяти опольях Брянского Подесенья преобладают серые лесные почвы при почти полном отсутствии чернозема (только на дне оврагов).

Таким образом, рукописи подтвердили, что в начале древ-

нерусской эпохи на территории Стародуба и к северу от него находился массив почв, характерных для лесостепной зоны, более благоприятных для земледелия, чем прилегающие территории.

Т. М. Хохлова

РАСКОПКИ ПОСАДА СЕРЕНСКОГО ГОРОДИЩА В 1988 г.

Летом 1988 г. на посаде городища у д. Серенск Мещовского района Калужской области работала экспедиция КОКМ. Была сделана прирезка в 16 кв. м к северной части раскопа 1987 г., на краю внутреннего рва. Толщина слоя 90—100 см, в ямах до 3 м, слои без оползней. Основной слой — темно-серая супесь с печиной и галькой; прослойками желтого суглинка, вкраплениями темно-серой супеси и пещины толщиной 4—30 см, прослойками углистой супеси, темно-серой супеси с вкраплениями желтого суглинка, темно-серой супеси с углями и желтым суглинком над ямами и постройками. Этот слой насыщен фрагментами светлоглиняной посуды с гребенчатым, зигзагообразным и линейным орнаментом XIV—XVII вв., фрагменты керамики с ямочным орнаментом XIII—XIV вв., небольшим количеством лепной толстостенной светло-серо-коричневоглиняной керамики. Среди находок следует отметить стеклянные браслеты, ф-ты рыбовидных бусин, шиловидный наконечник стрелы, попавшие в верхние слои из раскопов; кованые гвозди, обломки деревообрабатывающих орудий: стамески и резцы по дереву.

Предматериковый слой бело-серой глины перекрывал слой темно-серой супеси с углями и желтым суглинком толщиной 4—80 см. В этом слое найдены ф-ты горшков курганного типа с волнистым орнаментом, большое количество ф-тов толстостенной светло-серо-коричневоглиняной посуды. Из находок — кованые гвозди, стеклянные браслеты, зубило, игла, кистень, шиловидный наконечник стрелы XII в., крестик-тельник из светлого камня.

Нами была доследована постройка, частично раскопанная в 1986—1987 гг. с мужским захоронением и частично открыта еще одна в северной части раскопа. Часть первой постройки углублена в материк, часть же, раскрытая в 1988 г., находилась на материке, на подсыпке из белой глины. От нее

остались следы в виде скоплений древесного тлена. Погребение в постройке безинвентарное, случайное, костяк ориентирован по оси СЮ, лежал в анатомическом порядке, на спине, руки вдоль туловища, кистей рук нет, бедренные кости сдвинуты к поясу. Постройку, как и весь комплекс усадьбы, можно датировать 2 пол. XII—1 пол. XIII в. в.

Датировать вторую постройку по керамике можно тем же временем.

В. Г. Пуцко

КИЕВСКИЕ ЮВЕЛИРЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ СЕРЕНСКЕ

Археологические исследования городов Земли вятичей периода непосредственно предшествующего монгольскому нашествию хотя и невозможно считать законченными, настоятельно выдвигают уже сегодня ряд задач, решение которых связано с новыми материалами. Одна из них — изучение массовой продукции ювелиров, работавших в первой половине XIII в. в Серенске.

Особенностью серенского материала является то, что об изделиях приходится судить главным образом по литейным формочкам, выполненным из белого известняка, обнаруженным в культурном слое детинца. Эти формочки дают представление об определенных сериях предметов украшения, изготовление которых зафиксировано в Серенске. Типологически они всецело принадлежат киевскому художественному ремеслу, и вследствие этого, соответственно, находят аналогии среди изделий мастеров древнего Киева. Широко известен случай находки в Киеве и Серенске частей одной и той же литейной формы с именем мастера Максима. Он указывает на вероятность перемещения из Киева в период монгольского нашествия ювелиров в относительно более безопасные места. Одним из них, по-видимому, мыслился Серенск.

Изученные литейные формочки древнерусского Серенска не дают оснований говорить о получившем здесь широкое распространение с раннего времени ювелирном ремесле киевского направления. Многочисленные поделки аналогичные найденным в вятичских курганах свидетельствуют о том, что деятельность мастеров, которым принадлежали упомянутые литейные формочки, была сравнительно непродолжительным

явлением, вызванным конкретными историческими причинами. Мы полагаем, что это факт работы если не одного, то весьма немногих киевских ювелиров, нашедших приют в Серенске, подобно тому, как нашли его византийские мастера на Руси после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г.

К. В. Воронин, В. М. Лозовский,
А. В. Энгватова.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ПООЧЬЕ

(результаты работ Подмосковной экспедиции ИА АН СССР)

Подмосковной экспедицией ИА АН СССР было продолжено обследование участка верхнего течения р. Оки от устья р. Протва до устья р. Лопасня.

В 350 м от устья р. Протва осмотрено поселение Дракино Х. Памятник расположен на высокой речной террасе (ок. 15 м) в западном конце деревни. Собрано незначительное количество мезолитического материала, а также древнерусская домонгольская керамика. Последнюю можно связать с комплексом летописного города Лобынск. В 800 м к ЮВ от восточного конца д. Дракино в устье ручья Черничка выявлено поселение Дракино XI, предположительно датируемое временем поздней бронзы. Подъемный материал представлен сильно опесчаненной лепной керамикой.

На р. Скниге, в 1,5 км от ее устья, обследовано Леоновское городище. Впервые памятник осматривался краеведом Н. Н. Воронковым, который констатировал только факт его наличия. Проведенная нами шурфовка позволила датировать городище позднедьяковским временем — прослежены остатки наземного жилого сооружения и найден развал лепного сосуда.

У д. Лужки, на участке 1—3,5 км от нынешнего устья р. Речма открыто 3 дьяковских селища. Памятники расположены на краю I Окской террасы (10—12 м). Селище Лужки IV занимает южную оконечность песчаной дюны. Шурфовка дала находки лепной керамики дьяковского облика, а также обильные фаунистические остатки, происходящие из хозяйственной ямы. Кости принадлежат диким видам: лось, олень. Селище Лужки V находится в 300 м к ЮВ от вышеописанного памятника и приурочено к устью крупного оврага, прорезаю-

щего речную террасу. В шурфе встречена дьяковская керамика, некоторые фрагменты с геометрическим орнаментом. Селище VI расположено в 250 м к Ю от деревни. Зачистка обнажения дала находки керамики, позднедьяковского облика. С целью уточнения датировки памятника и его стратиграфии нами дополнительно обследовалась стоянка Лужки III, открытая летом 1987 года. При шурфовке в подзоле, мощностью 23 см встречены отдельные фрагменты дьяковской керамики и несколько мелких отщепов, под подзолом залегал культурный слой эпохи раннего железа, темно-серая супесь мощностью 11 см, с находками дьяковской керамики. Им перекрывается горизонт эпохи бронзы, светло-серая супесь мощностью 14 см, с данным слоем связаны 2 хозяйственные ямы. Материал эпохи бронзы представлен тонкостенной керамикой, орнаментированной горизонтальной елочкой. Мезолитический слой, желтый песок мощностью 35—40 см, частично поврежден. Находки залегают двумя горизонтальными скоплениями. Скопление 1 включает более сотни кремней, подавляющее большинство из которых отщепы, количество пластин невелико. Все они — неправильные. Орудия представлены 4 концевыми скребками на отщепах и неправильной пластине, обломками 2-х двустороннеформленных рубящих орудий. Скопление 2 состоит из нескольких отщепов, 2-х пластин с ретушью и массивного бокового скребла на отщепе. Скопление 1, вероятно, является рабочей площадкой, а скопление 2 — дном нечитающейся в песке хозяйственной ямы.

В районе д. Турово на участке дюнных полей, примыкающем к приустьевой части р. Лопасня найдено домонгольское селище. Собрана древнерусская керамика, несколько железных изделий: нож, пряжка и др. На памятнике также встречена дьяковская и фрагмент керамики эпохи бронзы, несколько отщепов.

Разведочные работы Подмосковной экспедиции велись и в Западном Подмосковье. В Истринском районе Московской области на оз. Чудцево обследован ряд памятников мезолитического и неолитического времени. При выходе из озера р. Болденки расположена стоянка Пречистая I. В подъемном материале собраны отщепы. На противоположном берегу протоки находится поселение Пречистая II. Материал представлен отщепами, большим количеством пластин (большинство из них — правильные), нуклеусами, концевыми скреб-

ками на отщепах, резцами различных форм. Кроме того, найден топор подтрапещевидной формы и лезвие кремневого шлифованного долота. По находке последнего можно говорить о незначительной примеси неолитического материала. В 1,5 км к ЮВ от выхода протоки р. Болденка в пойме озера расположена стоянка Чудцево I. Найдено небольшое количество отщепов и пластин, нуклеус, а также фрагмент позднельяловской керамики.

Л. И. Потапова

ЛАВРЕНТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Основание Лаврентьевского монастыря связано с легендой о спасении г. Калуги и князя Симеона Иоанновича от нашествия агарян (крымских татар) в 1512 г. Лаврентием праведным, который укрепил князя и ободрил воинов. В августе 1515 г. Лаврентий умер и был похоронен в любимой им церкви «Рождества Христова». С этого времени, собственно, и начинается история монастыря, который стал называться Лаврентьевским.

Монастырь имеет выгодное расположение. Он находится на холме, над левым берегом р. Яченки, на правом берегу которой начинается городской бор.

Он был окружен крепостной стеной из красного кирпича, толщина которой около 1 метра, высота более 3-х метров. В плане это квадрат со сторонами 250x250 м. По углам располагались 4 восьмиугольные башни. Это было достаточно серьезное укрепление. Конечно, он уступает как крепость Пафнутьев-Боровскому монастырю, он не имел бойниц в стене, да и по самой стене не так свободно можно пройти, но он располагался на высоком холме, склоны которого, обращенные к югу, к юго-востоку и западу достаточно круты и их удобно оборонять. Только с северной стороны, со стороны входа в монастырь местность ровная. Внутри монастырской стены был источник с питьевой водой. Существует поверье, что из монастыря шел подземный ход к р. Яченке. В 1609 г. в монастырь бежал из-под Москвы Лжедмитрий II и монахи его приняли. Они уговорили горожан принять Лжедмитрия на царство. Убит был Лжедмитрий II 11 декабря 1610 г. недалеко от монастыря, за р. Яченкой, на краю бора. Летом 1618 г. монастырь разграбили отряды атамана Сагайдачного.

В 1628 и 1629 гг. царь Михаил Федорович пожаловал на восстановление монастыря деньги, рыбную ловлю на р. Оке (от речки Можайки до речки Кобыльи) и мельницу под Покровским погостом.

В 1650 г. было окончено строительство каменной церкви Св. Мученика и архидьякона Лаврентия.

В 1681 г. царь Федор Алексеевич подарил монастырю богатое напрестольное евангелие в окладе из золоченого серебра. В 1693 г. княгиня Татьяна Михайловна также дарит монастырю евангелие.

В 18 в. монастырь богатеет. В 1732—1733—1739 гг. строятся каменные церкви Успения Божьей матери, верхний деревянный ярус соборной церкви заменяется каменным, давратный храм с колокольней и каменная ограда. В 1744 г. за Лаврентьевским монастырем числится 523 души крепостных. В 1764 г. монастырю присваивается 3 класс. Он значится 13 в списке монастырей. Ему полагается по штату иметь настоятеля, 11 человек монахов, вольного писца и 8 служителей. На содержание монастыря было назначено 862 руб. 1/2 коп. в год. Он имел ряд земель. Садовой и огородной — 3 дес. 100 саж., рошу в 1 дес. 100 саж., луг на р. Угре — 4 дес., мельницу на р. Яченке, рыбные ловли в озерах Меховое, Долгое, Минкины лужки в Перемышльском уезде.

В 1776 г. до 1800 г. в монастыре существовала духовная семинария на 120 учеников. Семинаристский корпус сохранился до настоящего времени. В 1799 г. с открытием Калужской епархии Лаврентьевский монастырь был превращен в архиерейский дом. Первым архиереем был ректор Новгородской духовной семинарии архимандрит Феофилакт Русанов.

При нем рыбные ловли в Перемышльском уезде были переданы Лютикову монастырю, а Лаврентьевский получил ловли на р. Оке, 13 дес. 1240 саж. пустопорожных земель д. Подзавалье, 40 дес. сенокосной и пахотной земли в Боровском уезде.

В монастыре имелся молочный скот холмогорской породы. Увеличивается монастырский сад, в нем было посажено 1000 различных фруктовых деревьев, создаются монастырские пруды. К середине 19 века владения монастыря как архиерейского дома были следующие: мельница на р. Яченке и 2 дес. 500 кв. саж. земли при ней. Мельница сдавалась в аренду и приносила доход от 150 до 300 руб. серебром. Рыбные ловли на реках Перемышльского уезда на р. Жиздре—11 верст и на р. Оке—16 верст. В озерах по правую сторону Жиздры: Ми-

хайловском, Берилловском, Подгорном, Мостовом, Тишь, Ефремовском, Ратманово, Корчевском, Заборовском, Круглом, Дубровском, Старая Тишь и др. — 29 озер. За ними числилось земли 69 дес. 1734 саж. доход от аренды—556 руб. 50 коп. серебром. Земли: 6 дес. под монастырем, 8 дес. под садом и огородом, 1615 саж. неудобной земли. Слобода Подзавалье — 2 дес. пахотной и огородной земли, 1130 саж. неудобной земли. Земля сдавалась в аренду за 35 руб. серебром. При д. Плетеневка в Калужском уезде: 4 дес. под полосами; 2 дес. 2262 саж. неудобной земли — земля сдавалась в аренду за 36 руб. Земля Спасско-серенская луговая в Козельском уезде по р. Серене: 91 дес. 1146 саж. удобной и 20 дес. 1665 саж. неудобной земли. Доход от аренды — 314 руб. 30 коп. серебром в год.

Козловская пахотная земля в Малоярославецком уезде — 58 дес. 2151 саж. удобной и 1 дес. 604 саж. неудобной — доход 50 руб. серебром.

Всего калужскому архиерейскому дому в сер. 19 в. принадлежало 172 дес. 2197 саж. удобной и 26 дес. 176 саж. неудобной земли — всего 198 дес. 2375 саж.

Перед революцией в к. 19 — нач. 20 вв. в Лаврентьевский монастырь из Оптиной пустыни перешел один из лучших учеников старца Амвросия отец Нил.

С. Е. Компанец, О. В. Свиридова

К ВОПРОСУ О КЛЕЙМАХ НА НАДГРОБНЫХ ПЛИТАХ XVI—XVII вв.

При исследовании вопроса орнаментации надгробных памятников XVI — XVII вв. мы столкнулись с необходимостью несколько глубже рассмотреть клейма на плитах, как датирующую особенность. О необходимости изучения данного вопроса писали А. А. Арциховский, В. Б. Гиршберг, Т. В. Николаева. Тем не менее раскрывая в своих работах особенности орнамента тяг и бокового орнамента, они лишь вскользь упоминали о клеймах.

Основным мотивом в орнаментации надгробий в XVI — XVII вв. является «солярный знак» в обрамлении либо геометрического треугольчатого, либо жгутового орнамента. Вопрос, насколько осознанным является этот тип рисунка, остается

открытым. По мнению А. А. Бобринского, первоначальный смысл подобных изображений был основательно забыт, а вертящаяся розетка, сияние вокруг нее — только традиционное изображение солнца и его атрибутов. С другой стороны в Русском государстве еще сильны были пережитки язычества и символ Солнца присутствует на подавляющем большинстве памятников. В то же время сочетание языческого символа с геометрическим орнаментом представляет собой интересное слияние язычества с христианской символикой. Николай Бюлов, придворный философ Николая III, развернул свои взгляды на геометрический символ треугольника. По его мнению треугольник воплощает движение «святого духа», следующего внутри «святой троицы» по часовой стрелке от бога — отца, занимающего вершину треугольника. Примерно те же воззрения мы находим и в книге философа-мистика XVI в. Ермолая-Еразма «Книга о троице», в которой он доказывал, что все в мире подчинено троичности.

Эволюция орнамента клейм претерпела изменения на грани XV — XVI вв. в сочетании верхнего и срединного клейм. Первая четв. XVI в. дает верхнее клеймо состоящее из 2—3 рядов мелких треугольников и «солярного круга» в срединном клейме. Предположительно, данное сочетание пришло из более раннего времени (первая подобная плита из Рязани относится к 1237 г.). Срединные клейма нач. XVI в. практически повторяют рисунок верхнего клейма, единственное отличие — присутствие 8 крупных треугольников — клиньев сходящихся вершинами к центру и составляющих т. н. «солярный знак», отделенный от последующих рядов мелких треугольников, линейным картушем. Мелкие треугольники, представляющие собой сияние Солнца, расположены в основном в 2 ряда, либо в шахматном порядке, либо вершинами к центру. Самое раннее клеймо подобного рода относится к 1512 г.

Срединные клейма этого типа сохраняются на протяжении всего XVI в. и переходят на начало XVII в. Увеличивается лишь число крупных треугольников — клиньев и достигает 16.

Со второй четверти XVI в. и до конца столетия орнамент срединного клейма переходит на верхнее клеймо и дает более гармоничное сочетание рисунка. Шесть — восемь крупных клиньев и один — два ряда мелких треугольников располагаются вершинами к центру. Наиболее характерные клейма данного типа мы находим на надгробиях Григория 1531 г., Нао-

мова 1547 г., Садовниковой 1593 г., безымянном надгробии 1549 г. (всего 13 ед.). Исключительными по своему орнаменту являются надгробие Ивана Колмина середины XVI в., где верхнее клеймо состоит из двух центров, в которые сходятся вершинами крупные треугольники и представляют собой что-то среднее между крестом и «солярным знаком». Другой вариант — на плите с надписью «на память Бориса и Глеба». 1548 г., верхнее клеймо которого заполнено прямоугольными треугольниками. Точно такое же клеймо и на плите княгини Н. Ф. Сисоевой 1558 г. Наличие столь неординарного орнамента, выходящего за рамки обычного, можно объяснить московской школой художественной резьбы по камню.

Вторая половина XVI в. дает новый тип орнаментации — жгутовый, который вытесняет геометрический. Происходит эволюция и верхнего клейма. К концу столетия частым становится сочетание «солярного знака» и жгутового орнамента. С 1531 г. на протяжении всего XVI в. верхнее клеймо представляет собой сочетание «солярного знака» и одного — двух рядов мелких треугольников вершинами к центру. Примерно с 80-х годов происходит упрощение геометрического орнамента и господствующим становится один ряд крупных треугольников, обрамляющих «солярный знак». Подобный тип орнамента наблюдается на надгробиях Кучкова 1581 г., инока Филофея 1588 г., Марии Садовниковой 1539 г., младенца Федора 1595 г. и Прохорова 1608 г.

С появлением жгутового орнамента меняются и верхние, и срединные клейма. Наиболее популярным в конце XVI — сер. XVII вв. является розетка — символ вращающегося солнца. В центре верхнего клейма расположена розетка, обведенная линейным картушем. «Солярный знак» обрамлен жгутовым орнаментом, рисунок нитей которого напоминает «сегнерово колесо». Такой же вариант рисунка мы находим и на срединном клейме. Лишь в одном случае, на надгробии сына Лыкова 1608 г. розетку обрамляет треугольчатый орнамент, что можно расценить как проявление архаизма. В трех случаях, на надгробиях раба божия Семена 1592 г., Б. М. Колесова 1630 г. и на недатированном надгробии розетка — солнце вращается в противоположную, чем на остальных клеймах сторону. Определенный интерес представляет безымянная плита с оригинальным боковым орнаментом и верхним клеймом в виде розетки, но без обрамляющего орнамента. Таким

образом с 1591 г. по сер. XVII в. укрепляется другой, но связанный с предыдущим орнамент — крутящаяся розетка — солнце окаймленная жгутовым орнаментом и линейным картушем.

А. К. Крылов

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СТЕНОПИСЦЕВ РАННЕМОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ В РОЖДЕСТВЕНСКОМ СОБОРЕ САВВИНА СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В ЗВЕНИГОРОДЕ

От росписи начала XV в. на западной стороне алтарной преграды сохранились изображения фигур пустынножителей (северный и южный простенки). Выше них, на западной стороне северного и южного алтарных столбов, Голгофские кресты с атрибутами крестных мук Христа.

Выше фрагменты фигур Давида (нижняя часть фигуры на северном столбе) и Соломона (верхняя и нижняя части фигуры на южном столбе).

Над фигурой Давида, у основания подпружной арки, фрагмент левкаса с остатками парного изображения полуфигур мучеников в медальонах. Вероятно, медальоны с полуфигурами (Севастийские мученики) занимали все четыре подпружные арки подкупольного пространства.

В жертвеннике сохранились фрагменты полоцнец с орнаментами в кругах и надпись.

На паперти (слева от западного портала) также фрагмент полотенца.

Этим небольшим фрагментам первоначальной стенописи присущ ряд особенностей, ранее не отмеченных исследователями.

Во-первых, находим здесь уникальный пример того, как русские мастера, подобно стенописцам европейского Средневековья, рассчитывая масштабы композиций и выверяя пропорции фигур, использовали циркуль. На нижнем фрагменте с изображениями основателей пустынножительства (справа налево) Антония Великого, Марка Афинянина (?), Павла Фивейского, Онуфрия Великого по горизонтали, на уровне ликов, циркулем были размечены пропорции промежутков

между фигурами и ширина плеч, сначала фигуры Павла Фивейского, попадавшего в геометрический центр композиции (смотрите ниже), а затем фигур справа и слева.

При общей координации системы пропорций мастеру важно было центрировать композицию. Вот почему по краям нимбов Павла Фивейского и Антония Великого делалась разметка: небольшие углубления — следы ножек циркуля. В верхней части фигуры Павла Фивейского, под красочным слоем, виден круг циркульной графьи, не имеющий явного отношения к системе графления фигур. Остается предположить, что это случайно дошедшее до нас свидетельство особых геометрических расчетов композиции с помощью циркуля. Фигуру Павла Фивейского следует считать центральной, поскольку правее изображены Марк Афинянин (?) и Анатолий Великий. А слева — Онуфрий Великий, левее правой ступни которого едва заметна часть ступни утраченной ныне фигуры. Следовательно, на северном простенке алтарной преграды были изображены пять фигур; на южном — столько же.

После геометрических расчетов мастер вел работу как обычно: предварительный рисунок желтой охрой фиксировался сначала отдельными мазками черной рефты, а затем тонкой графьей, прореченной по еще сырому левкасу. Отмечая особую каллиграфическую точность и красоту графьи, ее соответствие конечному результату живописи, видим, что мастер свободно пользовался линейкой для графления надписей и рисунка деталей одежд. (Павел Фивейский, мученики в медальонах).

На поверхности плотного известкового левкаса с большим количеством наполнителя (льняная костра) отсутствуют трещины. Это свидетельство превосходного качества грунта XV в.

Несмотря на загрязнения, послонная красочная структура стенописи в хорошем состоянии. Сохранившийся ультрамаринный фон — большая редкость.

В нижнем ярусе рукописи (пустынножители) черной рефтяной подмалевок фона давал ультрамарину (сохранились следы справа вверху) спектрально-синий оттенок, но тот же ультрамарин становился светлым, бирюзовым на серой рефты в верхних композициях (Голгофские кресты, Соломон).

Верхним ярусом росписи присущи сильные разбелы основных цветовых тонов желтого, розового, зеленого составленных из ярких интенсивных красок, положенных здесь поверх своих разбелов в местах теней. Цвет теней активнее цвета све-

тов. Контрастные пробелы занимают значительные площади и положены большими мазками (зеленая одежда Соломона).

В нижнем ярусе интенсивны локальные тона: темно-красные, темно-зеленые, оливковые, желтые. Коричневатые тени нейтральнее цвета светов. Скромную роль играют здесь тонкие пробелы.

Наверху нимбы и санкири светлые, а резкий рисунок теней ликов выполнен красной охрой. Внизу цвет нимбов и санкирей плотнее, теневая разделка ликов умбристо-коричневатая. Этой же краской тонкими лессировками нанесены полутени.

Сохранившиеся фрагменты выявляют в нижних и верхних ярусах росписи две принципиально разные колористические системы. Использование в одной росписи нескольких таких систем не было необычным для древнерусской монументальной живописи (в мелетовской росписи 1465 г. три такие системы, в Рождественском соборе Можайского Лужецкого монастыря две).

Различные системы колорита не только придавали нарядное многообразие единому ансамблю стенописи, не только делали объемнее и яснее удаленные от зрителя изображения, но и создавали особый иерархический порядок, подчеркивая символическое значение отдельных частей храма. Ведь храм в сознании человека Средневековья был воплощенным подобием неба, где порядок видимых украшений, — по словам Дионисия Ареопагита («О небесных иерархиях», гл. I, § 3), — является указанием на стройный и постоянный порядок на небесах.

А. К. Крылов

ОСОБЕННОСТИ РОСПИСИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА В РОЖДЕСТВЕНСКОМ СОБОРЕ МОЖАЙСКОГО ЛУЖЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Сохранившиеся в оконных нишах фрагменты первоначальной росписи дают представление о местонахождении в западной части храма до 1799 г. (когда большая часть росписи была сбита), изображения «Страшного суда» и композиций, иллюстрирующих Апокалипсис.

В росписи 1508 г. Благовещенского собора московского Кремля развернутый апокалипсический цикл также занимает всю западную часть.

Запоминающейся деталью Можайских фресок является характерная выпукло-вогнутая форма крыльев ангелов. Аналогичное изображение крыльев — во фресковой композиции «Троица Ветхозаветная» (1520-е гг.), находящейся в крытой галерее Благовещенского собора, справа от западного портала.

Василий III (1505—1533 гг.), при котором, вероятно, строился собор в Можайске, «любяще зело» архимандрита Макария, с 1506 по 1525 гг. бывшего настоятелем Лужецкого монастыря. Вероятно, не без помощи великого князя строился и расписывался собор. Знаток и ценитель иконописи, Макарий сам был незаурядным живописцем.

Учитывая выше изложенное, а также превосходное качество грунта и мастерство стенописи, можем предположить, что Можайская роспись создавалась в 1520-е гг. столичными мастерами (не исключена возможность участия в росписи и самого Макария), продолжающими традиции «изящных и хитрых в Русской земле... живописцев» Дионисия и Феодосия. Это яснее всего обнаруживается в юго-западном углу храма в изображении херувима и ангела со свитком на фоне малахитово-зеленой сферы. Фрагменты фресок юго-западного угла отличаются уверенный рисунок, ритмическая согласованность всех частей композиции, а приемы работы выявляют руку наиболее опытного стенописца.

Другой мастер работал в северо-западном углу, где пластическая острота рисунка более скруглена, спокойнее ракурсы и линии, несколько иные пропорции фигур: головы крупнее. Но стилистическое единство позволяет признать этих мастеров питомцами одной школы, особенностью стиля которой является ясное линейное начало, как в рисунке одежд, так и в разделке ликов теневыми линиями и пробелами. Линии точны и виртуозны. Мастера используют графью лишь там, где важно во что бы то ни стало сохранить найденные, в подготовительном рисунке на левкасе движение и силуэт. Избегая сухой омертвелости безусловно точных линий, мастера нарочно искривляют или скругляют их окончания.

Изображения Кирика и Улиты в жертвеннике, где иной масштаб изображений и характер рисунка, принадлежат третьему мастеру. Если вышеупомянутые стенописцы использо-

вали графью для обозначения нимбов, пропорций фигур и ликов, то здесь графья обводит лишь нимбы. Энергичный рисунок доказывает, что мастер не был новичком в стенописи, но ему пришлось приспособиться к непривычной системе пропорций и масштабов. Этим можно объяснить многие исправления, допущенные мастером в ходе работы.

Во-первых, уже наметив силуэт полуфигур и нимбов, он резко меняет их положение на стене, подняв на 10—12 см к центру свода. Следы первоначального рисунка охрой на левкасе хорошо просматриваются в местах утрат (фон над плечами Улиты).

Во-вторых, смещены углубления от иглы циркуля (первоначальные углубления на подбородках ликов грубо заделаны левкасной пастой). Четыре раза он наносил циркульную графью, уточняя местоположение нимбов. Эта неуверенность мастера в определении масштабов и местоположений дает повод предположить, что в артели столичных живописцев он был новичком, Изображения Кирика и Улиты присущи черты живописи новгородско-псковской школы.

Надписи, вероятно, выполнены учеником, что объясняет ошибочное написание слова «филиаль» вместо «фимиам» или «фиала» (северо-западный угол).

В остатках росписи мы видим две колористические системы: если композициям западной части свойственна мягкая гармония светлых, теплых тонов с акцентами багряного цвета, то изображения Кирика и Улиты строятся на противопоставлении спокойных зеленых и белых к ультрамариновому фону.

В росписи церкви Успения в Мелетове (1465 г.) мною обнаружено три колористические системы: 1) полихромная (верхние части диаконника и жертвенника); 2) сдержанная, с преобладанием золотисто-зеленоватых (алтарь, трансепт, центральный неф); 3) контрастная, с противопоставлением голубого багряному (затененные части храма).

В Можайской росписи было несколько колористических систем, что определялось не только декоративностью, но и символикой цвета и различных частей храма. Красота живописного убранства служила выражению божественного начала.

Колорит росписи Рождественского собора определяли, главным образом, яркие, спектральные цвета: ультрамарин

(горный лазурит), малахитовая зелень (горный малахит), киноварь (мною найдены в 1986—1988 гг. многочисленные осколки левкаса с этой краской) и золото (на нимбах — следы «твореного золота»).

В. И. Осипов

ХОЗЯЙСТВО ПАФНУТЬЕВА МОНАСТЫРЯ В БОРОВСКОМ УЕЗДЕ В XVII В.

В июле 1610 г. войска Лжедмитрия II штурмом взяли Пафнутьев монастырь и сожгли его. После разорения монастырь начал восстанавливать свое хозяйство, пользуясь покровительством богатых вкладчиков, таких как Оболенские-Лыковы, Мезецкие, Волконские, Репнины и др.

В Центральном Государственном архиве древних актов сохранились документы, которые дают возможность реконструировать хозяйство Пафнутьева монастыря в Боровском уезде в XVII в. (Дорожная книга 1613/14 гг., писцовые книги 1621, 1629/30, 1646, 1675 гг., судное дело посадских людей г. Боровска с Пафнутьевым монастырем из-за пригородных слобод; описание монастыря за 1701 г. — ЦГАДА, ф. 1209, к 16, лл. 108—112, 171—172, 191, 192, 286—291; к 10326, лл. 28—38, 133—153; ф. 159, Приказные дела новой разборки, оп. 1, № 916, 498 л.; ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 29, 451 л.; ф. 281, оп. 5, д. 15 (613).

В 1613/14 гг. были составлены дозорные книги Ф. Кошкина и В. Лошакова по Боровскому уезду. По подсчетам дозорщиков и после моей корректировки их подсчета следует, что Пафнутьев монастырь имел в Боровском уезде 3 села, 11/2 сельца, 4 деревни, 19 пустошей, 1 погост, 1 мельницу и в г. Боровске слободу Мякишевскую.

В 1615—1616 гг. власти Пафнутьева монастыря обратились с просьбой приписать к монастырю Высоковский монастырь в г. Боровске, прилегающую к нему слободку и расположенное под ним мельничное место на р. Протве. В 1617 г. просьба была удовлетворена, монастырь получает жалованную грамоту на Высоковский монастырь, слободу и пять пустошей: В 1621 г. и 1624 г. монастырь взамен сгоревших грамот получает новые жалованные грамоты на все монастырские вотчины, расположенные в 16 уездах Русского государства. Мо-

настырь быстро богател и на протяжении всего XVII в. он находился в числе двадцати крупнейших монастырей. Рассматривать монастырское хозяйство в XVII в. предполагается в трех аспектах: 1) монастырское хозяйство, расположенное непосредственно вокруг монастыря; 2) монастырские слободы в г. Боровске; 3) монастырское хозяйство в уезде.

В XVII в. в монастыре идет восстановление разрушенных и обветшалых зданий, а также постройка новых. К 1701 г. монастырские стены с шестью башнями имели протяженность около 673 м. Наиболее значительные здания: собор Рождества Богородицы (1586 г.); ц. Ильи с больничными палатами (1670 г.), трапезная (1511 г.), колокольня (1690 г.), архимандричий корпус.

В 30-е гг. XVII в. Пафнутьев монастырь имел под монастырем мельничный заплот, мельницу, амбар возле нее, где хранились 2 жернова. От мельничного заплота до с. Кривское на пять верст тянулась монастырская рыбная ловля. Кроме того, под Боровском, в озере, расположенном на земле помещика М. Сенявина, также была рыбная ловля монастыря, вода же озера принадлежала посадским людям. Рыбные монастырские ловли и мельница продолжали существовать и в 1701 г. К этому году монастырь поставил на р. Истерье еще одну мельницу, которая обслуживала непосредственно монастырь, а мельница на р. Протве была отдана в оброк. В монастырских прудах разводили рыбу на «монастырский обиход». Внутри монастырских стен находилась деревянная житница с 4915 четвертями хлеба. За монастырем был Гостинный двор, где стояли 2 деревянные кельи, а возле них конюшня. Земля под монастырскими стенами сдавалась в аренду под ярмарки. Монастырь имел здесь 63 лавки, кузницу, солодовню и амбар, где сушили солод. Недалеко от монастыря находилась конюшня (80 лошадей; 42 лошади — на откорме в с. Русиново) и скотный двор, состоявший из двух изб с сенями и четырьмя скотными сараями, где содержалось 53 коровы, 3 быка, 2 теленка и 9 телят. Против скотного двора гумно: изба с сенями и 4 овина, где имелись скирды ржи (66 копен). Население, обслуживающее монастырь, проживало в Рябушенской слободе под монастырем (подъячие, слуги, конюхи, гвоздари, хлебники, сторожа, кузнецы, повара, мельники, рыбаки, коровники и т. д.).

На протяжении всего XVII в. Пафнутьев монастырь имел на территории г. Боровска свои слободы. В 1614 г. за монас-

тырем числилась одна слобода и место дворовое на Пятницкой улице. В 1617 г. царским указом к монастырю была приписана Высоковская слобода. В 1621 г. монастырь имел 4 слободы: Мякишевскую, Мельничную, Высоковскую, Никольскую (42 двора, 58 человека). К 1629/30 гг. население слобод возрастает до 72 дворов (132 человека), а в 1649 г. — 150 дворов (451 человек). После Соборного уложения 1649 г. между Пафнутьевым монастырем и посадским населением г. Боровска вспыхивает борьба за приписание монастырских слобод к городу. Это и понятно, если учесть, что сам посад Боровска рос медленнее, чем монастырские слободы. Число дворов в Боровске с 95 в 1621 г. увеличилось до 113 к 1646 г. Монастырь в 1625 г. имел 25 лавок, 4 места лавочных, 4 кузницы. В 1647 г. за монастырем в Боровске насчитывалось 47 лавок и 7 кузниц, что составляло чуть не половину всех городских лавок.

Борьбу за слободу можно разделить на два этапа: 1649—1652 гг. и 70—80-е гг. XVII в. В результате борьбы посадского населения за приписание слобод к посаду, Пафнутьев монастырь потерял Мякишевскую, Мельничную слободы. Остались за монастырем Высоковская и Никольская слободы. В связи с этим монастырские власти решают завести слободы рядом с монастырем: Рошинскую и Рябушенскую. В Высоковской и Никольской слободах за Пафнутьевым монастырем числилось в 1701 г. 30 дворов, что на 12 дворов больше по сравнению с 1675 г., в то время как в Рошинской слободе к 1701 г. насчитывалось 99 дворов.

Пафнутьев монастырь в XVII в. имел земли в Боровском уезде. В 1614 г. за ним по всему уезду числилось 3 села, 1 1/2 сельца, 4 деревни и 19 пустошей. К 1629/30 гг. монастырское хозяйство в уезде стало восстанавливаться. К этому времени монастырь имел 4 1/2 села, 2, сельца, 8 деревень, 65 пустошей. В населенных пунктах насчитывалось 65 дворов (115 человек). Однако монастырь еще не полностью восстановил численность населения в уезде, т. к. 70 дворов пустовали. Пашни насчитывалось 1609 четей, сена 1431 копна. Лес пашенный составлял 165 десятин, а непашенный — 177 десятин. К 1701 г. Пафнутьев монастырь владел 4 1/2 села, 13 деревнями, в которых имелось 372 двора, т. е. по сравнению с 1675 г. на 153 двора больше. Земля, которую обрабатывал монастырь, и зависящее от нее население, насчитывала 987,5 чети в одном по-

ле, сена ставилось на лугах 691 копна, лес пашенный и непашенный составлял 246 десятин. Кроме этого, монастырь располагал «Хоромным лесом» возле дд. Лапшинка, Бошкино, Ерохино — 2,5х5 в.

После рассмотрения монастырского хозяйства в Боровском уезде можно предположить, что Пафнутьев монастырь не только оправился от разорения в 1610 г., но и значительно укрепил хозяйство к концу XVII в.

А. К. Ларин

ОРУЖЕЙНИЧИЙ БОГДАН МАТВЕЕВИЧ ХИТРОВО И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ РУССКОГО ИСКУССТВА В XVII ВЕКЕ

Верой и правдой служа русскому государству, род Хитрово являлся одним из древних дворянских родов. Во второй половине XIV столетия из Золотой Орды выехали к великому князю рязанскому Олегу Ярославичу (Иоанновичу) Эду-Хан (или Едуган) и брат его Салахмир. От Эду-Хана по прозвищу «Сильно-хитер», нареченному в крещении Андреем, пошел род Хитрово, Салахмир стал родоначальником Апраксиных, Вердеревских, Крюковых, Ханьковых.

Вначале Хитрово жили в Рязанском княжестве, а с присоединением последнего к Московскому перешли на службу к великому князю Московскому.

Летописи сообщают, что в конце XV—сер. XVI вв. бояре рода Хитрово несут службу по охране государства. Никита Прокофьевич Хитрово-Лопата подписался под приговорной грамотой 1566 г. об объявлении войны польскому королю; Дементий Елизарович по прозвищу «Темка» был убит в 1604 г. за то, что «вору расстриге креста не целовал», а брат его, Василий Елизарович, убит в 1618 г. под Москвой в «королевичев поход»; Севостьян Дементьевич был ранен во время осады Смоленска в 1632 г., а затем был воеводой в разных городах.

Двухнедельную осаду татарами Рыльска выдержал в 1662 г. бывший там воеводой Тарас Клементьевич Хитрово; одним из участников «виленского похода» 1656 г. был стольник Иван Севостьянович Хитрово, воевода на Дону и в Киеве (впоследствии (1676) начальник Монастырского приказа и Расправной палаты (1689)). Было еще несколько дворянских родов Хитрово более позднего происхождения.

С 1-й пол. XVII в. фамилия Хитрово тесно связана с Калужским краем. Так, например, Епифан Клементьевич был калужским городовым дворянином и известен своей верностью московскому царю в «смутную эпоху».

В 1620 г. Матвей Елизарович Хитрово получил от царя Михаила Федоровича за службу жалованную грамоту и поместья, среди которых было село Григорьевское Перемышльского уезда. Здесь-то и родился Богдан Матвеевич Хитрово.

Получив хорошее образование (и будучи, вероятно всего, человеком с тонким художественным вкусом), он поступает на царскую службу. В Дворцовых разрядных книгах за этот год записано: «...у крюка в комнате Богдан Матвеев сын Хитрова; в передней избе у крюка Василий Нальялов». Но уже в 1645, — а именно 8 сентября — Богдан Хитрово был сменен на этой должности своим двоюродным братом, Федором Михайловичем Ртищевым.

27 ноября 1647 г. Богдан Михайлович стал окольным, отличившись за короткое время на службе в «Ногайских укрainaх». В числе шедших в торжественном обряде царской свадьбы перед государем окольных — 16 января 1648 г. — шагал и Богдан Хитрово. А уже несколько месяцев спустя он направляется Алексеем Михайловичем «Тишайшим» для строения новых городов от р. Барша до р. Волги». Кроме устройства многочисленных крепостей, Богдан Хитрово основал город Симбирск. До 1653 г. Хитров заведует Земским приказом, Челобитным приказом, а в следующем, 1654 г. государь сделал его и заведующим Приказом новой гети. Еще через два года Алексей Михайлович отдает в ведение Богдана Матвеевича Оружейную палату. Думается, что выбор царя на эту должность был не случаен: как будет видно из дальнейших событий, это назначение имело большие позитивные последствия.

Патриарх Никон предал анафеме иконы нового письма и приказывал их сжечь. Среди видевших это мракобесие стоял, пожалуй, самый главный виновник патриаршего гнева. Это был Богдан Хитрово.

Летописец истории нашей иконописи А. И. Успенский в своей книге «Царские иконописцы и живописцы XVII века» донес до нас полный список мастеров, которые работали под начальством Хитрово. Мы узнаем, что оружейничий не брал во внимание ни происхождение, ни вероисповедание принимаемого на работу мастера; единственным мерилom служил та-

лант. Многие национальности и разные вероисповедания имеются среди мастеров Иконной палаты. Грек Апостол Юрьев, крещенный еврей Иван Башманов, полутатарин-полуармянин Иван-Богдан Салтанов, поляки Станислав Лопуцкий и Василий Познанский, швед Дерсон, немцы (австрийцы) Данила Вухтерс и Иван Детерс... А в Золотой и Серебрянной палатах работал еще неизвестный Симон Ушаков, ставший немного позже известнейшим мастером.

Обращавший особое, пристальное внимание на «изографов», руководитель Оружейной палаты был прекрасно осведомлен о том, что делают его подопечные, и всячески поощрял их творчество. Именно в обстановке благожелательности, творческого начала было возможно появление первого русского трактата об искусстве — «Послания Иосифа Владимира к Симону Ушакову». Эта книга явилась своеобразным манифестом новой русской школы в живописи.

Именно при Богдане Хитрово появилась блестящая плеяда художников — вышеупомянутый Симон Ушаков, Никита Павловец, Михаил Милютин, Степан Резанец, Иосиф Владимиров и другие.

Исторические документы не оставили сколько-нибудь убедительного документа о том, что помогло Богдану Хитрово столь последовательно проводить политику смелого внедрения в русскую иконопись положительного западного опыта при резко отрицательном отношении к этому патриарха. Есть несколько версий, объясняющих это обстоятельство: во-первых, превалирующее подчинение иконописцев светскому, а не духовному учреждению. Такое положение возникло еще при Иване IV, когда прибывшие в 1547 г. (после пожара) для росписи стен московского кремля иконописцы смутили своими работами дьяка Посольского приказа Василия Висковатова. Возмущенный якобы слишком фривольным изобращением библейских сюжетов, а также введением сцен более свободного, аллегорического характера, дьяк свои соображения в письменной форме передал митрополиту Макарию, а тот — царю, который, в свою очередь, созвал церковный собор. Собор единодушно осудил Висковатова за то, что тот «сумнение имел и вопил и возмущал православных христиан». Тем самым клерикальная власть как бы передала светский контроль над церковной живописью.

Во-вторых, личность самого государя могла повлиять на это, поскольку Алексей Михайлович был не лишен вкуса, по-

ощрял людей искусства и заботился о пышном декоре своих покоев.

Но, вероятнее всего, решающую роль в столь бурном развитии русского искусства сыграл Богдан Хитрово — человек умный, тактичный, просвещенный, да к тому же обладавший способностями дипломата: государь неоднократно посылал его с визитами в разные страны.

В 1667 г. Хитрово стал самым приближенным царедворцем Алексея Михайловича. Во время приема послов всегда занимал первое место по левую руку царя; неизменно сопровождал его на богомолье (причем ехал с ним в одном экипаже); присутствовал в царской думе.

Во всей круговерти событий Богдан Матвеевич не забывает родные края. Например, возвращаясь из польского похода 1655 г. он привез несколько колоколов. Некоторые из них пожертвованы в церкви Калуги (в женский Алексеевский монастырь), а большая часть отвезена в Лютиков Троицкий монастырь, главным ктитором которого являлся Богдан Матвеевич, начиная с 1653 г. Его стараниями был построен храм Святой Троицы с приделом, массивная столпообразная колокольня с шатровым верхом, а также придел в честь Иовы Многострадального (это второе имя Богдана Хитрово); как видно из вкладной монастырской книги, им были сделаны значительные пожертвования и вклады: «двери царския, резныя на золоте, цена дверям 100 рублей; серебряные сосуды; Евангелие печати 1637 года; митра, украшенная золотом, серебром и драгоценными камнями, и многое другое: Умер Богдан Матвеевич в 1680 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Т. В. Морозова

МЕДАЛЬ XVIII ВЕКА В КОЛЛЕКЦИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Три линии медалей — памятные, наградные, мемориальные, т. н. «персоналии» взаимно дополняли друг друга в нач. XVIII в. и заложили основу для дальнейшего развития медальерного искусства в России. Медалей XVIII в. в коллекции немногим более 50. В течение всего XVIII в. была популярной серия медалей в память событий Северной войны (1702 — 1714 гг.). Серия выполнена немецким медальером

Филиппом Генрихом Мюллером (1654—1719 гг.) по официальному заказу России и включает в себя 28 медалей. Медали серии объединены общностью размера (45 мм) и повторяющимся портретом Петра I (трех типов) на лицевых сторонах. Латинские легенды оборотных сторон представляют собой цитаты из Вергилия или Овидия. Даты отмечаемых медалями событий выражены с помощью хронограммы и прочтены их можно суммировав числовые значения букв, выделенных более крупным шрифтом. Для композиций оборотных сторон служил чаще всего всего план и вид сражения, дополненный аллегорическими фигурами. Подпись автора «PHM» или «M» — На части медалей его знаком служит звездочка. На основании этих признаков и определены две медали в коллекции музея, как медали серии в память событий Северной войны, автором которых является Мюллер. Одна из них — медаль основания форта Кроншлота в 1704 г. (КЛ 4732), другая — медаль в память сражения при Лесной в 1708 г. (КЛ 4733). Материал — бронза. Есть еще одна медаль в память Северной войны (КЛ 4738). Автором ее является неизвестный русский мастер, инициалы «О. К.» — на срезе рукава портрета Петра I на лицевой стороне. Мастер работал на монетном дворе в Москве в 1718—1724 гг. Диаметр медали 68 мм. Посвящена, вероятно, сражению при Пелькине в 1713 г. Эта медаль — копия с работы Мюллера.

Из наградных медалей I-й четв. XVIII в. можно представить две — Медаль в память Ништадтского мира 1721 г. (КЛ 4740) и Медаль за сражение при Калише в 1706 г. На лицевой стороне наградной Калишской медали — погрудное изображение Петра I, вправо. Портрет отличается вытянутыми пропорциями, небольшой головой и богато украшенным торсом. Надпись: «ЦРБ ПЕТРЪ АЛ ИЕВИЧЪ». На оборотной стороне в центре изображение Петра I на коне, в доспехе, правая рука выдвинута вперед, мелкими ломящимися складками расположен пышно задрапированный плащ. Изображение дано на фоне боя. Вверху слева — из облаков рука венчает голову Петра лавровым венком. Надпись «За верность и мужество», в образе, дата — 1706. Автор этой медали Готфрид Гаупт, работавший на русской службе с 1705 до 1711 гг. Свои работы он помечал подписью «H» или «Haupf».

Русские воинские медали I-й четв. XVIII в. отмечены стремлением к исторически точному воспроизведению событий.

Оригиналами для их оборотных сторон служили рисунки или гравюры с видами сражений.

Другая наградная медаль 1-й четв. XVIII в. — это медаль в память Ништадского мира 1721 г. В память заключения мира отчеканено наибольшее количество медалей 1-й четв. XVIII в. (для награждения участников войны, и для поднесения заграничным дворам и иностранным министрам. Штемпели делались одновременно с русскими и латинскими надписями. Медаль отметила окончание победоносной для России войны за овладение выходом к морю.

На лицевой стороне большинства ништадских медалей изображен Ковчег в бушующем море и летящий к нему голуб с ветвью оливы в клюве. На втором плане вид двух городов, соединенных между собой в знак мира радугой и идущей сверху надписи: «Санкт-Петербург» и «Стокгольм» (на нашей медали — латинские наименования городов).

На оборотной стороне — почитательная надпись «В. И. Б. Щ.» («Великому и благоверному щастливому») «Государю Петру I именем и делами великому российскому императору и отцу от двадцатолетних триумфов север умирившему сия из злата домашнего медалиа усерднейше приносится». Впервые упомянутый на русской медали титул императора был преподнесен Петру I во время празднеств по случаю заключения Ништадского мира, после чего последовало и объявление России империей.

Медаль в память Ништадского мира не имеет подписей. Это позволяет отнести ее к работе русских медальеров; т. н. иностранные мастера подписывали свои работы. Это предположение подтверждается и другими особенностями: уступчато расположенными схематическими изображениями городов — как на иконах, своеобразным орнаментальным рисунком волн и характером построения перспективы.

Начиная с 1-го десятилетия XVIII в. в России появляются медали персональные, в честь выдающихся государственных деятелей.

Поводом для выпуска медали в честь Ф. М. Апраксина была проявленная им инициатива при отражении нападения шведов на Петербург в 1708 г. (КЛ 4741). На лицевой стороне медали бюст Апраксина, вправо. Отчетливо передано портретное сходство, грузные черты лица пятидесятилетнего полководца, резкие складки губ, морщины, разбегающиеся от глаз. На голове — парик. Круговая надпись в его честь. На

оборотной — в центре на фоне морского сражения трехмачтовый корабль. Вверху по кругу надпись: «СІЕ НЕ СПИТЬ ЛУЧШЕ СМЕРТЬ А НЕ НЕВЪРНОСТЬ». Авторы этой медали — Г. Гаупт и Соломон Гуэн (француз, работал на Московском монетном дворе в России с 1701 по 1711 гг.). К медальерным работам Гуэна в большинстве случаев относятся штемпели лицевых сторон медалей. Обратные стороны этих медалей чаще всего выполнял Гаупт, постоянный сотрудник Гуэна. Подпись Ууэна — на срезе рукава, на лицевой стороне.

Число медалей, выпущенных в России в 30-х годах, ограничивается десятком сюжетов и немногочисленно по количеству. Из нашей коллекции можно выделить Медаль в честь Анны Иоановны «В мире и в войне славна» (КЛ 3688). Эта медаль впервые была выпущена безотносительно к какому-либо событию и имела одну лишь цель — прославление императрицы. Автор — И. К. Гедлингер. Медаль работы этого автора послужила образцом для всех последующих изображений Анны на медалях и монетах, начиная с 1736 г.

Интересная Медаль в память улучшения монетного дела в 1731 г. (КЛ 3599). Автор — русский медальер Иван Козмин (V. I. K.). Работал в 1730—1740 гг. На медали помещен портрет Анны Иоановны типа Гедлингера, но с добавлением пяти ленточек на рукаве, характерных для портретов работы А. Шульца. «V. I. K.» может быть прочтено как «Ученик Иван Козмин». На обороте этой медали стоит «I. K.». (Эта работа — копия с медали Шульца 1731 г.).

В 40-е — 50-е гг. XVIII в. проектирование медалей переходит в ведение Академии наук, что говорит о тесной связи медальерного искусства того времени с развитием исторической науки и о том значении, которое придавалось медали как историческому памятнику. Большой интерес постоянно проявлял к медальерному искусству М. В. Ломоносов. Наряду с другими членами Академии Ломоносов сам представил проекты к трем медалям в работе по составлению «медалической истории»: «на рождение Петра I, на его коронацию», «на начатие флота». В тесной связи с деятельностью Ломоносова в области русской исторической науки стоит возникновение очень большой группы памятников русского медальерного искусства XVIII в. — портретной серии русских князей и царей, выполненной в кон. 60-х — нач. 70-х гг. Серия явилась своего

рода иллюстрацией к средней части «Краткого российского летописца», написанного М. В. Ломоносовым совместно с А. И. Богдановым.

Входившие в серию 53 медали (от Рюрика до Петра I) однотипны. На лицевых сторонах их помещены портреты князей и царей, окруженные надписями с их именами, а оборотные стороны решены строго эпитафически. Надпись каждой оборотной стороны медали этой серии — продолжение надписи лицевой. Соединив их вместе, получаем фразу, являющуюся либо простым повторением, либо конспективным изложением характеристики данного лица, имеющимся в «Кратком российском летописце». Работа над изготовлением серии велась на Петербургском монетном дворе в течение всей 1-й пол. 70-х годов XVIII в. Над созданием серии работали И. Б. Гасс, И. Г. Вехтер, С. Юдин. В нашей коллекции 6 медалей этой серии: Князь Олег (2), Князь Даниил (31), Князь Андрей Боголюбский, Князь Ярослав (9), Князь Игорь (9), Князь Василий (41). Например: медаль с изображением князя Даниила. Лицевая сторона — погрудное изображение князя (фас), по окружности в верхней части медали надпись «Великий князь Даниил Александрович». Обратная сторона: вверху корона, в центре поперечная надпись в семь строк «Начал княжить 1296 года московским великим князем именовался первый постригшись преставился 42 г.». Автор — Гасс, инициалы «С» на лицевой стороне внизу, справа.

Во 2-й пол. XVIII в. медальерное искусство начинает претендовать на гораздо более широкое освещение событий во многих областях общественной, политической и экономической жизни России. Наиболее интересные и значительные медали этого периода создали медальеры Тимофей Иванов и Самойла Юдин. В коллекции музея определено несколько медалей, автором которых является Тимофей Иванов. Это медаль: «В память учреждения губерний в 1775 г.» (КЛ 3657), подпись автора на лицевой стороне «Выр. 1790. Тимофей Иванов», а также медали «В память учреждения Московского воспитательного дома», 1763 г. (КЛ 3660), «В память оспопрививания в 1768 г.» (КЛ 3638), наградная «За победу при Кагуле в 1770 г.» (КЛ 3678) и др. Иванов изготовлял штемпели для чеканки лицевых сторон копий медалей серии в память Северной войны. Им создан новый тип в иконографии Петра I. Тимофей Иванов по объему выполненных им работ

и по их качеству является одним из ведущих мастеров медальерного искусства в России (работал до 1800 г.).

Из работ Самойлы Юдина (1730—1800 гг.) можно назвать наградную медаль «Победителю 1774 г.», медаль в память императрицы Елизаветы (КЛ 3721), три копии на события Северной войны (с работ Ф. Г. Мюллера, 1 четв. XVIII в.): «Взятие Риги в 1719 г.» (КЛ 4737), наградная «За Полтавскую битву» (1709 г.) (КЛ 4735), медаль в память Полтавской битвы 1709 г. Этот мастер в совершенстве владел техникой резьбы медальных штемпелей, особенно усложнившейся в связи с трактовкой медалей во 2-й пол. века, как развернутого исторического или аллегорического полотна.

Кроме того, во 2-й пол. XVIII в. в России работали медальеры братья Иоганн Георг и Георг Христофор Вехтер. (их подписи на медалях «W», «I. G. W», «G. G. W», «Waechter»); И. Б. Гасс и И. К. Егер. Работы этих мастеров также представлены в нашей коллекции.

В конце XVIII в. меняется художественный подход к медали. На смену прежней манере приходит нарочитое подчеркивание плоскости медали, нарушаемой только в центре каким-либо эмблематическим изображением. Поверхность медали значительно увеличивается — до 70—80 мм в диаметре. Плоскостной характер приобретают портреты, что ощутимо уже в ряде работ Гасса и особенно Егера. На медальерное искусство воздействуют новые веяния, возникающие в связи со становлением в русском искусстве классицизма. Из работ этого периода интересны имеющиеся в музее две работы Карла Леберехта. Его работы охватывают почти 30-летний период — 1780-е гг. — нач. XIX в. Одна медаль в честь И. И. Бецкого, бронза, д—65 мм (КЛ 3686), другая — в память рождения великого князя Константина в 1779 г., бронза, д—64 мм (КЛ 3648). Подпись автора на лицевой стороне «GLEBERECHT. F.».

В XIX в. медальерное искусство вступило с богатейшим фондом памятников, получившим развитие по самым разнообразным линиям — памятной, наградной и персональной, со сложившейся системой изобразительных средств и богатым опытом творчества художников.

ВЫШИТАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА КАЛУЖСКОГО КРАЯ XIX — НАЧ. XX В. В. (ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Коллекция русской народной одежды Калужского областного краеведческого музея начала складываться в нач. XX в. в рамках деятельности губернской Ученой Архивной Комиссии. В кон. 1920-х — 1930-х гг. она была пополнена в результате этнографических исследований краеведа М. Е. Шереметевой. Ее работы до сих пор являются единственной литературой по этой теме.

Ценность музейной коллекции народной одежды, бытовавшей в Калужской губ. в XIX — нач. XX в. заключается в том, что в ее состав входит в основном праздничная, богато украшенная одежда, в орнаментации которой наиболее ярко сохранились традиционные сюжеты. В основном это одежда женская, мужской костюм представлен единичными предметами. Географически наиболее полно представлена одежда, бытовавшая на юго-западе (совр. Жиздринский, Хвастовичский, Кировский, Спас-Деменский, Козельский районы), а также Перемышльский и нынешняя пригородная зона Калуги, что связано с более длительным сохранением здесь традиций ношения народной одежды. Слабо представлена в коллекции одежда северо-востока края, где уже во второй половине XIX в. шел быстрый процесс перехода к одежде городского типа. В коллекции музея выделяются восемь комплектов женской крестьянской одежды, основная же часть — отдельные разновременные предметы и детали костюма.

Наиболее богато украшалась праздничная одежда, в отделке которой разнообразные тканые и вышитые узоры, цветные ленты, кумач, блестки и дутые бусы, а в особо ценных предметах золотая нить. При всем многообразии способов украшения в народной одежде Калужского края на протяжении столетий сохранялось основное цветовое сочетание: красный, желтый, синий, зеленый. Лишь в юго-западных районах в отделку вводились черные нитки и ярко-красный цвет приглушался до золотисто-оранжевого. Вышивка располагалась на наиболее важных частях одежды — очелье головного убора, на вороте, оплечье и запястье, подоле рубахи, особенно богато украшался подол передника, расшивались полы или

заднее полотнище юбки-поневы. Одежда, помимо всего, должна была защищать тело человека от злых сил, в качестве такого оберега служила вышивка.

Наиболее распространенным типом вышивки в ряде уездов Калужской губ. (Перемышльском, Калужском, Медынском, Тарусском, Козельском) была цветная перевить, сохранившая популярность и традиционный орнамент до наших дней. В ее узорах, особенно ярко воплотившихся на обрядовых полотенцах, изображения человеческих фигур, растительного и животного мира, геометрические знаки. В юго-западных уездах (Жиздринский, Мосальский) перевить встречается реже, в ней преобладает геометрический рисунок (совр. Ульяновский, Бярятинский районы). Предпочтение отдается тканым узорам, вышивке крестиком и набором. В Бояновичской волости Жиздринского уезда (Хвастовичский район) перевить, по местному «пялы», очень редка и довольно примитивна. Одежды здесь украшали вышивкой «бранье», по своей технике подражающей браному ткачеству.

Пристальное внимание в женском костюме уделялось отделке головного убора, несущего исчерпывающую информацию о социальном положении, возрасте и месте жительства женщины. Разнообразной по форме, материалу, отделке, способу ношения была сорока, состоявшая из множества деталей и обязательно полностью закрывавшая волосы. В Калужской губ. бытовали рогатые, лопатообразные, копытообразные, котелкообразные головные уборы, но для всех единым было название «роги». Каким бы красивым не был головной убор, сверху он обязательно покрывался платком. Наиболее ярко отделялась сорока молодых женщин до рождения первого ребенка.

В Мокровской волости Жиздринского уезда (Куйбышевский район) старушечьи сороки вышивались по очелью шерстяными нитками — «шленкой» узором «елочка», ромбами — «кругами».

Самые дорогие, праздничные сороки XIX в. шились из бархата, кумача, по очелью и затылочной части вышивались рельефно золотой или серебряной нитью растительным орнаментом (Перемышльский, Калужский уезды). Важным дополнением к головному убору был «позатылень», чаще всего плетеный в форме сетки из цветного бисера и закрывавший сзади шею. В нач. XX в. сороки почти повсеместно сменяются более простыми по изготовлению и украшению повойниками.

Не меньшей яркостью и декоративностью, чем головной убор в народном костюме Калужского края отличался передник — «занавеска». В более ранний период — туникообразный с рукавами или узкими проймами, поздний вариант — передник на отрезной кокетке. Праздничный передник выполнялся из узоротканого холста и богато, иногда сплошными полосами украшался вышивкой. Передник служил как бы завершением всего костюма и постоянно был в отличие от других предметов полностью на виду. В коллекции музея 4 редких передника пер. пол. XIX в., получивших название «занавеска вислая» по их необычному покрою (с. Варваренки, с. Ромоданово Перемышльский уезд, с. Волосово-Дудино Козельский уезд). Это слегка расширенные книзу полотнища, без пройм и выреза горловины, сплошь вышитые перевитью. Такие передники крепились с помощью завязок на шее и подмышками. В орнаменте — едущие один за другим всадники, различные изображения птиц («павы», «петухи»), растительные мотивы («цветы в банках»), неизменные ромбические фигуры. Столь яркая отделка передников одной вышивкой не требовала никаких дополнительных приемов украшения ткани. В кон. XIX в. стали преобладать передники с отрезной кокеткой сшитые из холста и кумача с вышивкой крестиком в основном растительными мотивами. Недостающая узорность вышивки дополнялась разнообразными цветными шелковыми лентами, блестками, бахромой, вязаным кружевом (с. Овсорок, с. Улемль Жиздринский уезд).

Женские рубахи в коллекции музея представлены в основном поздними образцами кон. XIX в. — нач. XX в. Для этого периода типичны рубахи из двух частей, соединенных швом по талии. Верхняя часть — «стан» обычно изготовлялся из фабричной ткани, нижняя — «подставка» из домотканой. Большая их часть вышита крестиком красными и черными нитками растительными узорами, получившими широкое распространение в крестьянской одежде европейской России. Но среди них есть несколько предметов выполненных традиционной калужской вышивкой. Деталь рубахи д. Волосов-Дудино Козельского уезда вышита перевитью ромбического орнамента в обычной цветовой гамме с незначительным введением черных ниток. Традиционный узор «куколки», изображающий ряд подбоченившихся женских фигурок, сохранился на кайме рубахи из с. Бережки Жиздринского уезда (Кировский район). В отделке рубах Подбужской вол. (с. Пеневечи,

д. Алексеевка Жиздринского уезда (Хвастовичский р-н) перевитью не использовалась, они вышивались красными нитками двусторонним швом или в технике «бранье» ромбическим узором.

Разнообразной по крою, орнаментации была юбка — понева. Наиболее яркими были праздничные поневы молодых женщин, с возрастом этот элемент одежды становился более скромным, почти без украшений. В коллекции музея, насчитывающей несколько десятков понев, вышивкой орнаментированы только два предмета. (с. Пеневечи, с. Огорь Жиздринский уезд). Основные же материалы отделки понев — тканые узорные полосы, аппликации, шелковые ленты, позумент, бисер и блестки, иногда широкое металлическое кружево. Среди них немало интересных в художественном отношении предметов. Наиболее ценной и редко встречающейся является распашная понева, носившаяся «кульком». Это самый архаичный вариант данного типа одежды. Она носилась, подтыкая одну полу за пояс, образуя сзади специфический залом. На виду оказывалась внутренняя сторона поневы и отделка переносилась с лицевой стороны полы на изнаночную. В коллекции музея хранятся три необычных в цветовом оформлении поневы. В отличие от традиционных клетчатых темно-синих или черных, они вытканы широкими горизонтальными полосами насыщенного красного цвета с отсутствием каких-либо дополнительных украшений. В такой цветовой гамме прослеживается влияние костюма южных губерний России.

Традиции бытования женского народного костюма в Калужском крае не исчезли бесследно. В наши дни костюм одевают на свадьбах, выступлениях фольклорных коллективов, проведении праздников ремесел в селах и деревнях. Традиционные народные узоры украшают и современную одежду, выпускаемую Калужской и Тарусской фабриками художественной вышивки. Орнамент народной вышивки используется в современном градоостроительстве для украшения панелей домов областного центра.

С. И. Личенко

ОРНАМЕНТ КАЛУЖСКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ — КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Вышивка занимает свое особое место в сфере народного искусства, имеет свою историю изучения. Этнографический

аспект исследования калужской народной вышивки нашел определенную реализацию в труда М. Е. Шереметевой. Рассматривая калужскую народную вышивку в качестве исторического источника в аспекте искусствоведческого метода исследования как локальный вариант шитья, характеризующий вышивку обширного региона, мы решаем задачу анализа образной структуры орнамента, основных принципов построения орнаментального образа. Анализ художественной природы явления в его историческом развитии обуславливает и решение более частных задач, а именно: систематизация орнаментальных мотивов, рассмотрение их семантики в контексте этнографического и фольклорного материала, техники исполнения вышивки, функции орнамента, акцентирование основных выразительных средств, соединяющих абстрактную схему узора с реальной поверхностью конкретного предмета.

Украшение вышивкой изделия (элементы традиционного народного костюма, ритуальные полотенца) имели в калужском народном быту разнообразные функции. Чаще всего это были праздничные, подарочные или связанные с традиционными обычаями, обрядами предметы. В них сочетались как утилитарное, так и декоративное значения. В нач. 20 в. заметно усилилась их декоративная функция, изменились во многих случаях материал и назначение вышитых изделий.

Традиционные приемы в технике (цветной и белой перевити), орнаментации наиболее устойчиво сохранялись в условиях натурального хозяйства, в первую очередь, в селах Гамаюнщины и Монастырщины. Ремесленная вышивка, рассчитанная в основном на крестьян окрестных сел, т. е. на узкий круг потребителей, своими корнями глубоко уходила в местное искусство. Но чем шире был рынок сбыта вышивки, тем более упрощенными становились ее орнамент и техника. В этом смысле характерна история бытования промысла художественной вышивки, созданного в 1884 г. в с. Ахлебинино И. Я. Коньшиной. Свообразными смежными к вышивке промыслами в Калужской губернии были цветное ткачество, кружевное, тесемочный и ленточный промыслы. По этнографическим данным можно сделать вывод, что традиционная народная калужская вышивка все-таки оставалась в руках отдельных мастериц и не приобрела характера ремесленного промысла. Распространенная в качестве домашнего занятия у крестьян вышивка сохраняла свою самобытность в технике и орнаментации.

Калужская народная вышивка представляет собой локальный вариант шитья южнорусского региона на основании приверженности к геометрической орнаментике, к технике перевити — цветной и белой. Орнаментальный образ калужского народного шитья — сложная структура с неоднозначными внутренними связями, в которой коллективная художественная традиция индивидуализируется, а индивидуально творческое начало подкрепляется опытом многих поколений. Этнографическая коллекция вобрала в себя неоднородный материал: наиболее древний орнаментальный пласт дают нам вышивки Перемышльского, Калужского, Лихвинского уездов, районов Гамаюнщины и Монастырщины. Источниковедческое значение данных памятников народного шитья определяется степенью сохранения традиционной орнаментики архаического извода на уровне доброжелательно-апотропейного значения. Вышивка других районов более поздняя. В изделиях данного круга орнамент реализуется на уровне чисто эстетическом. Орнаментальные мотивы тяготеют к «изобразительности», бытовым элементам, полностью утрачивают связь с архаическим «прообразом».

В целом, в изделиях народных мастеров калужского края орнамент вышивки существует в определенном предметном контексте, где все согласно и связано между собой: незначительное, конструкция, материал, цвет, декор, — все объединено единством замысла. Орнаментальный образ калужской народной вышивки создается по основному принципу: вся композиция орнамента строится из видовых образцов, подчиняясь определенной ритмической структуре. Композиция, цвет, фактура вышивки претворяются в творчестве народных мастеров в предметные качества орнаментированной вещи. В построении орнаментального образа калужского народного шитья большая роль принадлежит цвету: красный цвет здесь основной. Оттенки его довольно разнообразны, что зависит от материала нитей: льняных, бумажных, шерстяных, и от использованных к ним красителей.

Орнамент калужской народной вышивки, в частности узоры занавесок и полотенец, оставляют ощущение праздничности, что соответствовало функциональной роли этих предметов в бытовом обиходе деревни. В характеристике орнамента вышивки торжествует двухмерность, все подчиняется плоскостному решению; это во многом проистекает из наивного видения, исходит от своеобразия крестьянского мировоззре-

ния и не может расцениваться как осознанный художественно-стилистический прием. Колористический строй вышивки неотделим от фактуры: народные мастера исходят из реальных качеств холста и нитей, отдавая предпочтение перевити, с тонким чувством меры вводят штопку, настил, крестик. Свои вышивки они насыщают разнообразными ритмами: то неспешными и торжественными, то быстрыми и веселыми. Ритмический бег лаконичного узора, оттенки цвета, фактурное богатство открывают для нас духовный мир создателя орнамента — народного художника.

Этнографическая коллекция зафиксировала орнамент калужской народной вышивки на стадии преобладания его декоративной функции. Вместе с тем, он в определенной мере отражает социальную, половозрастную, этническую принадлежность, служит средством выражения народного мировоззрения.

В. И. Осипов

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОНАСТЫРЕЙ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (сер. XIX в. — 1917 г.).

В советской исторической науке недостаточно разработан вопрос о хозяйственной деятельности монастырей с сер. XIX в. до 1917 г. Изучение этого вопроса позволило бы показать их роль в экономике России данного периода.

К нач. XX в. церковь владела не менее 2853714 га земли, доходы церкви приближались к полумиллиарду рублей. По законам Российской империи каждый монастырь мог получить надел из казенных земель в 100—150 десятин леса, рыбные ловли, мельницу.

На территории Калужского края монастыри появились в нач. XV в. К 1764 г. в Калужской губернии насчитывалось 22 монастыря (13 мужских, 6 женских и 3 пустыни). После секуляризации — 13 монастырей было упразднено (7 мужских, 5 женских и 1 пустынь). К 1852 г. на территории Калужской губернии находилось 9 монастырей (6 мужских, 1 женский и 2 пустыни). Однако в 1889 г. их уже 12. В 9 мужских монастырях насчитывалось 602 монаха; проживало 60 человек «призреваемых», 14 человек в больницах; содержалось при школах 40 человек. Мужские монастыри обслуживали 185 рабочих.

Наиболее многолюдны были женские монастыри (3 шт.), где проживали 412 монашествующих, в т. ч. 170 монахинь, 56 человек «призреваемых» и 49 рабочих.

К 1913 г. количество монастырей Калужской губернии увеличивается до 15. В 7 женских монастырях (Казанский, Боголюбский, Калужский Казанский, Казанская Амвросиевская пустынь, Никольская община; общины: «Отрада и утешение», «Скорбященская», «Святотроицкая») находилось 1827 монашествующих.

На 1 января 1914 г. все монастыри имели в банках вклады на 389747 руб. Только одни проценты с вложенного капитала составляли 13588 руб. Раскладка количества монашествующих и денежного капитала, хранящегося в банках и мужских монастырях на 1 января 1914 г. показана в таблице:

№№	Название монастыря	Монашествующих	Денежный капитал, помещенный в банк
1.	Пафнутьев монастырь (1 класса)	52	83062 руб. 40 коп.
2.	Добропокровский (3 класса)	30	29043 руб. 24 коп.
3.	Мещовский - Георгиевский	44	55901 руб. 81 коп.
4.	Малоярославецкий - Николаевский (Черноострожский)	51	89190 руб. 69 коп.
5.	Тихонова Пустынь	245	429809 руб. 16 коп.
6.	Оптина пустынь	345	388751 руб. 82 коп.
7.	Сергиевский скит	106	—
8.	Лютиков Свято-Троицкий	48	17606 руб. 9 коп.
		921	1103366 руб.

Как мы видим, мужские монастыри Калужской губернии владели капиталом в 1103366 руб., не считая недвижимого имущества, церковной утвари и т. д. Только с денежного капитала, положенного в банки, мужские монастыри в 1913 г. получили по процентам 42 411 руб.

Интересно в этом отношении рассмотреть хозяйственную деятельность одного из монастырей, выяснив, на что тратились деньги и с чего получался доход. Рассмотрим отчет игумена Пафнутьева монастыря Венедикта за 1913 г.

Пафнютьев-Боровский монастырь был основан в 1444 г. К 1744 г. он располагал землями в 16 уездах Русского государства и владел 11064 крепостными мужского пола. В 1764 г. после секуляризации монастырские земли были переданы в Коллегию Экономии, а сам монастырь стал содержаться за счет государства. Но ему были оставлены участки земли для хозяйственных нужд. В 1766 г. под монастырской мельницей, расположенной на р. Протве, числилось 2 дес. 1460 саж. земли. В 1767 г. под скотным, гостинным дворами, под монастырским садом, под прудами, санными покосами находилось 22 дес. 1817 саж. земли. По плану 1769 г. за монастырем в Боровском уезде под санными покосами, садами, прудами, значилось еще 40 дес. 737 саж. земли. 8 мая 1871 г. по указу Духовной консистории за № 2287 в 10 верстах от монастыря были даны ему пустоши — 86 дес. 2149 саж. земли. Итого, к 1913 г. за Пафнютьевым монастырем находилось 152 дес. 1360 саж. (170,3 га) земли. Монастырская земля сдавалась в аренду. Кроме того, Пафнютьев монастырь сдавал в аренду Кормилицино Боровское подворье на 12 лет, с уплатой 15 тыс. руб. ежегодно. Монастырская мельница сдавалась в аренду Зайцеву на 12 лет с арендной платой 509 рублей ежегодно.

На содержание монастыря в 1913 г. расходовалось 26302 руб. 85 коп. Из них: архимандриту — 2100 руб., братии — 8354 руб. 55 коп., на содержание монастыря — 9597 руб. 60 коп., на ремонт ризницы и церковной утвари — 385 руб. 65 коп., на покупку вина, масла, изготовление просвиры — 922 руб. 44 коп., на содержание духовной семинарии — 1287 руб. 81 коп., на других хозяйственные нужды — 3654 руб. 80 коп.

Поступило же в монастырскую кассу в 1913 г. 27843 руб., 93 коп. Из них: из государственной казны — 1861 руб. 3 коп., кружечный и кошельный сбор — 396 руб. 97 коп., за продажу свечей — 967 руб. 89 коп., доход от недвижимого и др. оброчных статей — 16775 руб. 93 коп., от пожертвований деньгами — 2542 руб., процент с вложенного в банк капитала — 3273 руб. 22 коп., «случайные доходы» — 2926 руб. 89 коп.

Чистая годовая прибыль Пафнютьева монастыря составила 1541 руб. 8 коп.

После Великой Октябрьской революции церковь была отделена от государства. Согласно декрету II съезда Советов «О земле» церковь и монастыри лишились земельных владений, которые приносили им доходы. В Калужской губернии у церквей и монастырей было конфисковано 100 тыс. десятин земли.

Более 10 тыс. священнослужителей лишились денежной привилегии — государственного жалованья.

К концу 1921 г. из 1245 монастырей было национализировано 771. Крестьянам было передано 827540 десятин земли, национализированы вклады в банке в сумме 4 млрд. 247 млн. рублей.

В. Л. Веденин

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ЛИХВИНА

На всей земле вятичей вряд ли найдется какой другой город с таким обилием «белых пятен» в своей древней истории, как Лихвин. Он мало обращал на себя внимание исследователей, особенно историков и археологов. Так и остался до сих пор покрытый в историческом отношении плотной пеленой загадок, домыслов и легенд.

Литература (научная, учебная, художественная, всевозможные карты и схемы) упоминает Лихвин по Н. М. Карамзину, от «опричнины», т. е. с 1565 г., а некоторые, например, сборник «Овеейная славою», считают эту дату его основанием. Но Н. М. Карамзин создавал не историю Лихвина, а «Историю государства Российского»! Не ставил он себе цель устанавливать время первого упоминания этого города, а в ходе повествования коснулся лишь попутно.

Знакомство с трудами других русских ученых, а также с материалами и исследованиями по археологии, дает нам право говорить о более раннем периоде его основания.

Так, В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» показывает, как князь Василий Дмитриевич (сын Дмитрия Донского) присоединил Лихвин к Московскому княжеству в XIV в. С. М. Соловьев относит город к тому же времени, но ошибочно отождествляет его с Лисиным.

«Летопись Калужская», поведав об образовании в 1454 г. Крутицкой епархии и причислении к ней Лихвина, преподносит 1264-й год, считая его годом первого упоминания.

Кроме того, учеными на земле вятичей был «утерян» город Девягорск, упомянутый в 1147 г. по случаю ушибы между Ольговичами и Мономаховичами. Атлас Калужского наместничества в полутора верстах от Лихвина указывает деревню под названием Девягорска, которая позднее полностью

исчезла с лица земли и карт, т. к. все оставшиеся жители переместились в Лихвин.

В кон. XIX в. Н. В. Теплов, после раскопок городища «Дуна» (в 2-х верстах севернее Лихвина), указал, что «...начало первого поселения на этом месте должно быть отнесено во всяком случае к первой половине первого тысячелетия нашей эры, приблизительно к IV—V вв...» и что «здесь еще была жизнь в XI—XII вв., но вряд ли позже этого».

Через год после Теплова, И. Д. Четыркин (при весьма любопытных обстоятельствах), проведя пробные раскопки городища в Лихвине (на месте старой крепости), заключил, что «...лихвинское городище, имеющее почти округлую форму, принадлежит к типу тех городищ, возникновение которых, как укрепленных мест, можно предположительно отнести не позже XII в... Это городище явилось, вероятно, на смену городища «Дуна», отстоящего не более двух верст».

К сожалению, раскопки и выводы И. Д. Четыркина остались незамеченными в научных кругах и в течение 90 лет исследование лихвинских городищ не велось. Лишь в 1988 г. по инициативе Калужского краеведческого музея группа археологов произвела их обследование, где сразу выявился целый комплекс историко-археологических памятников, указывающих на существование жизни на этом месте задолго до «опричнины», подтверждая тем самым правильность четыркинских выводов, а также необходимость ученым вспомнить об этом забытом микрорайоне.

О ценности изучения лихвинского уголка говорить не приходится, так как их результаты дадут иное представление не только в вопросе отображения подлинной истории Лихвина, но и изменят взгляды на толкование событий седой древности во всем бассейне Верхней Оки.

Изучая историю родного края, мы воссоздаем истинную историю нашего Отечества без «белых пятен» и сохраняем для потомков историческое и культурное наследие прошлого. Нынешнее время разительных перемен, очищения и обновления в сознании и делах наших — хорошая почва для этого.

А. В. Лысенков

АРАПОВСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Пещеры находятся в Новомосковском р-не Тульской области, в 1 км от д. Араповка, в крутом откосе левого берега

ручья Тетяковка — левого притока р. Прони. Пещер две: небольшой грот, углубленный в берег на 10—15 м и, расположенный ниже по ручью в 300 м пещерный монастырь. Пещеры вырублены в плотном песчанике. Общая длина их в настоящее время составляет ок. 200 м. Распашка берега в послевоенное время и интенсивный выпас скота привели к эрозии почвы, что вместе с периодическими паводками послужило причиной запечатывания наносами двух входов в монастырь из трех существующих ранее и заиливание внутренних ходов и комнат почти по всей площади пещер. Толщина наносов внутри пещеры—1,5 м.

Впервые о существовании пещер стало известно в кон. XIX в. Миловидов А. И. относил их возникновение к 60-м годам XIX в., связывая это с сектой хлыстов и ее руководителем — крестьянином Староказачьей слободы (одна из слобод с. Гремячее, расположенная от пещер на расстоянии 7 км) Яковом, много путешествовавшим по святым местам и предпринявшим религиозный подвиг пещерокопания.

Описывая свои впечатления от пребывания в пещерах, Миловидов А. И. отметил одну очень интересную особенность — наличие икон, опровергающую хлыстовское происхождение пещер, послужившее главным поводом для их закрытия.

В Государственном архиве Тульской области хранится несколько дел, связанных с историей пещер. Это, прежде всего, «Дело об уничтожении пещер, вырытых близ деревни Тетяковка Веневского уезда казенными крестьянами для уединения богомолья», начатое Тульской духовной консисторией 29 сент. 1855 г. и оконченное 12 сент. 1856 г. Из этого документа следует, что в сент. 1855 г. священник с. Гремячее Веневского уезда доложил тульскому архиепископу о том, что «крестьянские ребятишки д. Тетяковка, Арапово тож, обнаружили и на обрывистом берегу речки того же наименования вход в пещеру». 10 ноября 1855 г. Веневский уездник исправник подробно доложил о результате дознания. «Пещеры начали копать 6 лет назад (т. е. в 1849 г. — Л. А.) Яков Павлов, Василий Никитин и Иван Кобзев. 12 марта 1856 г. Консистория приказала «уничтожить пещеры, запретив их дальнейшее копанье и хождение к ним народа».

В фонде Тульской губернской ученой архивной комиссии и в фонде ее председателя Н. И. Троицкого имеется ряд дел, упоминающих пещеры. В заметках члена ТГУАК П. В. Нар-

циссова о городищах и курганах: «В дер. Араповка, Гремяч, волости, над протекающим ручьем, в горе сохранились и до сего времени обширные подземные пещеры...». В одном из документов фонда Троицкого Н. И. кроме описания пещер имеется план части их.

В научном архиве ТОКМ в 1988 г. обнаружен «План пещер при с. Гремячеве Веневского уезда», выполненный тушью. Несмотря на искажения, видимо, план составлялся по памяти, он несомненно относится к Араповским пещерам. К сожалению, выяснить источник поступления не удалось.

Обширная библиография 1950—80-х гг. (газетные публикации) содержат, в большинстве своем, либо пересказ источников, либо фантастические домыслы о якобы древнем происхождении пещер (с XVII в. и даже с XII в.), об их огромной протяженности (свыше 7 км).

С мая 1987 г. Дворцом пионеров г. Тулы начались регулярные работы по исследованию пещер. К настоящему времени школьниками — членами кружка «Юные археологи» — расчищено более 50 м ходов, в том числе 2 кельи и подземная церковь, составлен подробный план. Культурная теория возникновения пещеры подтвердилась. Оснований для того, чтобы считать пещеры памятником XVII в., а тем более XII в. нет.

Г. И. Доманова

К ИСТОРИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Обращение к изучению музейного дела продиктовано необходимостью анализа, обобщения и пропаганды практического опыта деятельности музеев. В данном случае Калужского областного краеведческого музея, к деятельности которого мы обращались дважды — в 1985 и 1987 годах, анализируя его работу в годы Великой Отечественной войны и к 90-летию со дня образования. Значение опыта работы предыдущих поколений музейных работников дает возможность избежать ошибок и правильно определить направления в решении практических вопросов организации и строительства музеев. Источниковедческая база истории музея позволяет выявить как общие тенденции в развитии музееведения и краеведения, так и определить специфические черты деятельности

музея. Особенности развития музея определяются степенью реализации его социальных функций на определенном этапе развития исторической науки, общества и региона, в котором расположен музей. Одно или другое направление музейной деятельности в конкретных условиях может стать преобладающим.

История послевоенного периода (1945—1952) музея является ярким примером практической помощи музею делу восстановления народного хозяйства. Научно-исследовательская работа музея была направлена на решение практических задач социалистического строительства. Это направление научной деятельности было выражено в резолюциях Всероссийского совещания (1945, 1947) по культурно-просветительной работе. В них указывалось на необходимость выявления и изучения природных богатств с целью привлечения местных ресурсов для нужд народного хозяйства, истории заводов и фабрик, сел и городов. Данные решения определили специфику научно-исследовательской деятельности музея в период образования Калужской области (5 июля 1944 года), когда потребовалась консолидация всех научных сил для возрождения промышленности, сельского хозяйства и социально-культурной жизни региона. Краеведческий музей, сохранивший в годы войны свои коллекции (утраты составили лишь 10% от общего числа экспонатов), документальные источники, получил социальный заказ на разработку исследований по истории градостроительства, полезных ископаемых, развития местной промышленности и сельского хозяйства. Расширилась деятельность музея как научно-исследовательского центра. План научной работы был согласован с областными и республиканскими организациями. Конкретизировались связи: музей — облплан, обком ВКП(б), отдел по делам архитектуры, районные организации, научно-исследовательские институты геологии, картографии и др. В план работы были включены: составление карт и картотек по месторождениям полезных ископаемых и их промышленного использования, изучение лекарственных, пищевых, технических и др. растений, промысловой фауны и изменений в ней, происшедших за годы войны, характеристика народно-художественных промыслов. Исследования позволили составить геологические карты, описание исторических мест и сохранившихся памятников архитектуры. Музей большое внимание уделял созданию общественного актива. По его инициативе в 1946 г. было соз-

дано общество краеведения. Оно объединило краеведов в решении задач «всестороннего изучения родного края в целях оказания результатами своей исследовательской деятельности активного содействия социалистическому строительству и действенной помощи местным организациям в выполнении ими хозяйственных и культурных задач».

Научные сотрудники музея выполнили поставленные задачи через изучение материалов музейного фонда, организацию командировок и походов на места залегания полезных ископаемых, привлекая к работе по изучению истории заводов, городов, районных центров, сел и деревень, краеведов области, работников просвещения, учащихся школ.

Надо отметить, что на данном этапе развития музея вопросы непосредственной музейной работы (экспозиционной, научно-просветительской) тесно переплетались с вопросами развития краеведения. С одной стороны музей определился как научный центр области и вместе с обществом краеведения как база краеведческой работы. Вместе с тем экспозиция музея получили дополнительный фондовый материал, собранный в ходе научных исследований и экспедиций.

Рост численности работников краеведческого движения, их научная, собирательская работа в дальнейшем сыграли свою положительную роль в организации на территории области в 50—60 годах музеев на общественных началах. Этот период выявил таких замечательных краеведов-организаторов как Н. М. Анисимов, В. Н. Сорокин, А. Д. Терешин, В. Я. Синельщиков, — к опыту работы которых следует обратиться, чтобы сохранить преемственность и активизировать деятельность краеведов в районах области, отказавшись от административно-командных методов создания музеев на общественных началах. Областной краеведческий музей продолжит работу по изучению и обобщению деятельности исследователей истории и природы края.

Л. И. Сапожникова

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (ЛИЧНЫЙ ФОНД КРАЕВЕДА Н. М. МАСЛОВА)

Одной из важнейших групп исторических источников являются документы личного происхождения. Особенностью этой категории документов является необыкновенное разно-

образии и многоаспектность их содержания. Наибольшим количеством документов, в том числе по их видовому составу, располагают краеведы.

В Госархиве Калужской области хранятся личные фонды краеведов Н. М. Маслова, В. М. Пантелеева, С. И. Самойловича, Б. Т. Кузнецова, Д. Н. Василевского. Самым значительным из них является личный фонд краеведа Н. М. Маслова. Фонд включает 129 дел за 1891—1972 гг. Многообразен и видовой состав документов: это дневниковые записи, рукописи, эскизы и рисунки, переписка, биографические материалы, фотографии, стихи и др.

Маслов Николай Михайлович родился 15 апреля 1890 года в Калуге в семье торговца, умер 6 августа 1967 г. После окончания Калужского реального училища поступил в Московский коммерческий институт, но не закончил его по семейным обстоятельствам. Участвовал в первой мировой и гражданской войнах. С 1922 г. работал на административно-хозяйственных должностях на Калужской электростанции, в 1929 г. на Бирже труда. С 1930 г. в калужских районных краеведческих организациях (окрплан, контора геологических разведок, комитет содействия судоходства, райбюро краеведения) по изысканию полезных ископаемых. С 1938 по 1948 гг. работал научным сотрудником вначале в краеведческом, а затем в художественном музее.

Широк и разнообразен круг интересов Н. М. Маслова. В фонде представлены творческие материалы по изучению вопросов:

— Описания маршрутов краеведческих экскурсий и турпоходов по Калужской области.

— Экономическое развитие Калужской области. 1931—1947 гг.

— Полезные ископаемые и природные ресурсы. 1931—1947 гг.

— Памятные места Калужского края—Чортово и Симеоново городища.

— Архитектура Калуги и охрана памятников старины.

— Организация краеведения и создание краеведческого общества в Калуге.

— История Калуги.

— История Калужского края.

— Изобразительное искусство. Художественная керамика.

- Деятели науки и культуры.
- Орнамент, вышивка и народные костюмы. Народные промыслы.
- Подвиг Старичкова во время войны 1805 года.
- Жизнь и научная деятельность П. М. Голубицкого.
- Гоголь и Калуга.
- Древнерусские рукописи Калужского областного краеведческого музея.

- «Слово о полку Игореве».
- Топонимика Калужского края.
- Памятные места, связанные с жизнью и деятельностью К. Э. Циолковского. Научная деятельность.
- Художественное литье.

— А. П. Чехов.

И другие рукописи и статьи по археологии, о деятелях области, по истории края.

Интерес представляют материалы, собранные Масловым для работы:

— о деятельности Калужского геологоразведочного бюро. 1923—1935 гг.;

— об экономическом развитии губернии, области. 1930—1948 гг.;

— топографические, историко-географические и экономико-географические карты;

— описание маршрутов краеведческих экскурсий и туристических походов по Калуге и области;

— списки площадей, улиц, переулков и проездов Калуги с изменениями их названий. 1933—1959 гг.;

— по истории края (схемы периодизации, хронологические таблицы, выписка из летописей и исторических работ, библиография);

— описание гербов уездных городов;

— карта кустарных промыслов Калужской губернии. 1920 г.;

— списки деятелей культуры и науки, уроженцев Калужской области, живших или бывших в ней, списки литературных памятных мест;

— картотека кратких биографических и творческих сведений о деятелях науки и культуры;

— список рукописей и предметов, принадлежащих Пушкинскому дому;

— воспоминания Л. Г. Каннинг о К. Э. Циолковском;

— воспоминания калужан о К. Э. Циолковском.

Газетные вырезки статей по краеведению.

Н. М. Маслов вел обширную переписку. До нас дошли письма академиков: П. Я. Кочиной, Е. И. Строева. Профессоров: М. П. Алексеева, Н. И. Воронина; исследователей биографии К. Э. Циолковского М. С. Арлазорова, Б. Н. Воробьева; художников: П. В. Андреева, В. М. Вячесловой, М. Н. Гумилевской, С. В. Земблинова; лингвиста А. Н. Суровцева; архитектора М. В. Фехнер; писателя С. Маркова; доцента московского института В. И. Безъязычного; аспирантки ЛГПИ им. Герцена Е. В. Витко; М. П. Плетневой, дочери П. М. Голубицкого; серпуховского краеведа А. В. Волкова; директора Тульского художественного музея И. К. Макарова (1943—1944 гг.); архимандрита Кафедрального собора г. Тулы Е. Л. Никонова; преподавателя ВПШ при ЦК КПСС В. Н. Чухрова; сотрудников музеев, библиотек, редакций, родственников. Переписка в фонде составляет свыше 2,5 тыс. листов. В письмах раскрываются ценнейшие для нас подробности истории Калужского края, страны.

Интересы по составу биографические материалы и материалы о служебной и общественной деятельности Н. М. Маслова. Они включают автобиографии, свидетельства о рождении и браке, образовании, паспортные книжки, дневниковые записи, записные книжки, приказы, справки, трудовые книжки, трудовые соглашения, отчеты и докладные записки в секцию краеведения и другие организации.

В фонде также представлены изобразительные материалы: семейные фотографии за 1882—1970 гг., домашний альбом для стихов, рисунки и эскизы Н. М. Маслова, открытки; коллекция открыток, почтовых марок, облигаций, пригласительных билетов, программочек вечеров, визитных карточек за 1900—1966 гг.

Несомненно, документы краеведа Н. М. Маслова, хранящиеся в государственном архиве Калужской области могут быть использованы и внесут новые штрихи при изучении истории Калужского края.

И. В. Лыцева

ОБЩЕСТВЕННЫЕ МУЗЕИ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

(на материалах Калужской области)

Изучение прошлого, приобщение к знаниям, стремление к познанию истории своего края в наши дни стало социальной и духовной потребностью.

Деятельность общественных музеев направлена на удовлетворение таких потребностей. Это приобщение к знаниям, навыкам управления, искусству и культуре.

Массовое движение по созданию общественных музеев в конце 50-х — начале 60-х годов связано с подъемом краеведческого движения, социальной активности и характеризуется широким участием в нем всех слоев населения Калужского края.

Общественная инициатива небольших городов и поселков Калужской области в создании музеев, в исследовании истории края, отразила культурный и образовательный рост населения, тягу к общению по интересам. Если социальная политика тех лет была нацелена главным образом на создание массовых общественных организаций просветительного типа (народные университеты культуры, клубы по интересам — как формы проведения досуга), то создание музеев на общественных началах стало социальной нормой, одобрялось обществом. Состав фондов многих общественных музеев, масштабы их культурно-просветительной работы, пропаганда памятников истории, археологии и архитектуры перерастали возможности музеев на общественных началах. Примером может послужить деятельность музеев, получивших известность в стране, таких как: краеведческий музей в Козельске, военно-исторический им. Г. К. Жукова, военно-исторические музеи на Ильинских рубежах, Зайцевой горе, Безымянной высоте и др. Многие из общественных музеев на правах филиалов вошли в Калужский областной краеведческий музей, получили статус самостоятельного государственного музея.

Несмотря на активизацию и значительный размах краеведческого движения, рост музеев на общественных началах, возрождение общества краеведов (1958) — эти формы краеведческой работы рассматривались государством не как инициативы, а как продолжение профессиональной деятельности

в свободное время. Калужский краеведческий музей в 50—60-е годы объединял краеведов-энтузиастов, в его активе было свыше 150 человек, он был единственным учреждением в области, занимающимся научно-методической работой по краеведению и музееведению. Музей при организации методической работы по историческому краеведению и музееведению испытывал большие трудности из-за полного отсутствия печатной пропаганды краеведческого знания, координационных центров в единой системе общественных краеведческих организаций.

Новая форма краеведческой работы — общественные музеи историко-краеведческого и военно-исторического профиля, получившие широкое распространение в Калужской области и созданные инициативой и при участии краеведов-энтузиастов, отличались стремлением опираться на науку, уважением к культурным традициям края, необходимостью сотрудничества с государственными и общественными организациями. Большинство общественных музеев к середине 70-х г., составив филиалы областного краеведческого музея, заложили основу научного профилирования музейной сети региона как современную форму организации музейного дела в крае. Местные инициативы — это необходимый элемент развития культурной и социальной экологии: взаимодействие, преемственность культур, стремление сохранить и передать поколениям достигнутые результаты, культурное наследие.

Путь развития инициатив в краеведческом движении от самостоятельности к формам деятельности государственных организаций для общественных музеев закономерен. Но этот процесс должен быть диалектическим: не все общественные музеи должны становиться государственными. Необходима динамика, а не участвовавшие попытки создания «на инициативных» способов решения многочисленных проблем общественных музеев.

Историко-краеведческие конференции 60—70-х годов и историко-археологические конференции 80-х годов, Всесоюзный слет поисковых отрядов, как одна из форм сотрудничества исторического краеведения и музеев, выявили и наметили ряд проблем в развитии исторической науки, музееведения, определила новые формы совместной работы государственных и общественных музеев по конкретным вопросам краеведения.

По инициативе следопытов, групп «Поиск», отличающихся массовостью, разнообразием форм работы, но прежде все-

го своей направленностью и содержанием, создаются общественные музеи историко-краеведческого профиля. Музей «Обнинские следопыты» показывает стремление разрабатывать и опробовать собственные программы и проекты решения наболевших социальных, экологических проблем, связанных с поиском и перезахоронением воинов Советской Армии, воевавших на территории Калужской области в годы Великой Отечественной войны.

На сегодняшний период в Калужском крае сложилась определенная система общественных музеев: районные и городские (подчиняющиеся отделам культуры исполкомов Советов народных депутатов), музеи-фабрик, заводов, организаций (ведомственное подчинение) и школьные музеи (в подчинении Министерства просвещения СССР). Общее количество общественных музеев составляет свыше 40, больше половины — музеи военно-исторической тематики. Музеи изучают исторические события в масштабах района, села, поселка, памятного места, что позволяет им пополнить источниковую базу исторической науки, музейный фонд страны, способствовать решению важных задач современности.

Выполняя определенные социальные функции: документирования исторического процесса и образовательно-воспитательные, общественные музеи края становятся учреждениями культуры нового типа, где инициативы ценны прежде всего своей демократизацией творчества, сокращением дистанции между самодеятельным и профессиональным творчеством.

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

Прошкин О. Л.	5 лет работы Калужской областной археологической экспедиции (1984—1988 гг.)	3
Фролов А. С.	Стоянка Трашковици	5
Фролов А. С.	О хозяйстве иеневских племен	7
Кравцов А. Е.	Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры	8
Леонова Е. В.	К характеристике иеневской культуры в бассейне р. Оки	10
Сидоров В. В.	Перспективы разведок памятников каменного века в Подмосковье	12
Сорокин А. Н.	Ресетинская культура (к проблеме изучения памятников рубежа плейстоцен-голоцен в центре Русской равнины)	14
Смирнов А. С.	Красное X — опорный памятник неолита Верхней Оки	15
Грудинкин Б. В.	Стоянки каменного века Калужско-Алексинского каньона	17
Челяпов В. П.	Новый поздняяковский могильник на средней Оке	19
Есипов В. П.	Поселения железного века по нижнему течению реки Угры	22
Красницкий Л. Н.	Городища верхнеокской культуры 2 пол. 1 тыс. до н. э.	24
Массалитина Г. А.	Новые жилища почепской культуры на Верхней Десне	27
Шинаков Е. А., Ющенко Н. Е.	Новые данные о Стародубском ополке	29
Хохлова Т. М.	Раскопки посада Серенского городища в 1988 г.	30
Пуцко В. Г.	Киевские ювелиры в древнерусском Серенске	31
Воронин К. В., Лозовский В. М., Энговатова А. В. (Москва).	Археологические разведки в Поочье (результаты работы Подмосковной экспедиции ИА АН СССР)	32

История

Потапова Л. И.	Лаврентьевский монастырь	34
Компанец С. Е., Свиридова О. В.	К вопросу о клеймах на надгробных плитах XV—XVII вв.	36
Крылов А. К.	Особенности работы стенописцев ранне-московской школы в Рожде- ственском соборе Саввина Сторо- жевского монастыря в Звенигороде	39
Крылов А. К.	Особенности росписи первой поло- вины XVI века в Рождественском соборе Можайского Лужецкого мо- настыря	41
Осипов В. И.	Хозяйство Пафнутьева монастыря в Боровском уезде в XVII в.	44
Ларин А. К.	Оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово и его роль в развитии рус- ского искусства в XVII веке	47
Морозова Т. В.	Медаль XVIII века в коллекции Ка- лужского областного краеведческого музея	50
Сафонова Г. Б.	Вышитая народная одежда Калуж- ского края. XIX — нач. XX вв. (из коллекции областного краеведческо- го музея)	56
Личенко С. И.	Орнамент калужской вышивки — как историко-этнографический ис- точник	59
Осипов В. И.	К вопросу об экономической дея- тельности монастырей Калужской губернии (сер. XIX в. — 1917 г.)	62
Веденин В. Л.	«Белые пятна» Лихвина	65
Лысенков А. В.	Араповский пещерный монастырь	66
Музееведение		
Доманова Г. И. Сапожников Л. И.	К истории Калужского областного краеведческого музея	68
	Источники личного происхождения (личный фонд краеведа Н. М. Мас- лова)	70
Лысцева И. В.	Общественные музеи как социаль- ное явление современности. (На ма- териалах Калужской области)	74

История

Потелова Л. И.	Давридовский монастырь	34
Компаней С. Р.	К вопросу об иконалах на погребных плитах XV—XVII вв.	36
Сварцова Г. В.	Об особенностях работы епархиальной архиепископской школы в Рязанском соборе Салавата Стриженского монастыря в Звенигороде	39
Крылов А. К.	Особенности росписи церкви впамяти XVI века в Рождественском соборе Можайского Давридова монастыря	41
Овчин В. И.	Давридовский монастырь в Боровской епархии в XVII в.	44
Давид А. К.	Оружейничья, Богоявленская, Матвеевская Антроп и его роль в развитии русского искусства в XVIII веке	47
Морозов Т. В.	Музей XVIII века в коллекции Калужского областного краеведческого музея	50
Сафорова Г. Б.	Вышивка народной одежды Калужского края XIX — нач. XX вв. (в коллекции областного краеведческого музея)	56
Лисенко С. И.	Орнамент калужской вышивки — как историко-этнографический источник	59
Овчин В. И.	К вопросу об экономическом состоянии монастырей Калужской губернии (сер. XIX в. — 1917 г.)	62
Веденин В. И.	«Белое пятно» Ливонии	65
Лисенков А. В.	Араратский пещерный монастырь — Музей-заповедник	66
Давыдова Г. И.	К истории Калужского областного краеведческого музея	68
Селюжанинота Л. И.	Источники личного происхождения (личный фонд краеведа Н. М. Маслова)	70
Лисенко Н. В.	Общественные музеи как социальные центры современности (на материалах Калужской области)	74

